

Эксклюзивный грех

Автор:

Анна и Сергей Литвиновы

Эксклюзивный грех

Анна и Сергей Литвиновы

Спецкор отдела расследований #1

Безобидную женщину-пенсионерку, бывшего врача, убивают в подъезде. А через два дня погибает ее подруга, которая когда-то работала вместе с ней медсестрой... Дети убитых, журналист Дима Полуянов и библиотекарь Надя Митрофанова, пытаются понять, связаны ли между собою две эти смерти. И выясняют, что совсем недавно погиб и бывший главный врач поликлиники, в которой когда-то работали обе женщины... Все нити этого странного дела ведут в Петербург. Туда и отправляются Дмитрий и Надя, тем более что в родном городе за ними по пятам идут безжалостные убийцы. И пока беглецам только чудом удавалось вырваться из их лап. Однако везение – вещь непостоянная. Поэтому нужно первыми найти людей, которые за всем этим стоят. Иначе каждый день для Дмитрия и Надежды может стать последним...

Анна и Сергей Литвиновы

Эксклюзивный грех

Пролог

Тело лежало в неудобной позе.

Мертвая женщина когда-то была красива. Однако над ее лицом сначала долгие десятки лет потрудилась жизнь. А затем – пару часов – смерть. Усилия смерти оказались разрушительными.

Некогда милое лицо с правильными, породистыми чертами застыло в бесконечном сне. Худая фигурка нелепо раскинулась, запрокинув руку, на грязном полу подъезда. Пальто расстегнуто. Ноги безжизненно вытянуты. На шее и на груди – темно-малиновые пятна крови. Под телом натекла вязкая лужа. В гадком тусклом свете подъезда лужа казалась черной, словно битум. Но сверкнул блиц милицейского фотографа, и в его блеске стало на мгновение видно, что жидкость на полу темно-красного цвета.

Вспышки высветили происходившую вокруг трупа деловитую суету. Люди, наклонившиеся над телом, было очевидно – заняты привычной, даже прискучившей работой.

Два человека, оба в штатском, оба, как на подбор, в кожаных куртках и кепочках, перебрасывались между собой негромкими репликами:

– Ножевые...

– Да, пять или шесть...

– В область сердца, кажется, два...

– Похоже, отморозки...

– Похоже. Нож тут нигде не валяется?

– Вроде не видать. А где ее сумочка? – Нету сумочки.

– Притырили, твари.

– А может, добрые люди подобрали...

– Или не было у нее никакой сумочки.

- Ты когда-нибудь видел, чтобы женщина выходила из дому без сумочки?

Случайные зрители, ставшие свидетелями трагедии, стояли остолбенев. Жались к подъездной стеночке. Невозвратимые перемены, происшедшие в мертвом человеке, его окаменение и немота, были им внове. Смерть оглушила их. Одна из женщин, в тапочках с помпонами, потрясенно прижимала к груди ткань своего халатика. Другая, в пальто и шапке, беззвучно плакала. Стирала слезы со щек носовым платком. Подросток баскетбольного роста глазел на труп, полуоткрыв рот. «Кому сказала: иди домой!» - прошипела ему женщина в халатике. «Ну, мам...» - пробасил подросток.

К свидетелям подступил молоденький румяный человек в шинели. На его погонах блистали золотом две новенькие маленькие звездочки.

- Вы знали потерпевшую? То есть вот эту женщину? - Он указал на труп.

Плачущая женщина мелко затрясла головой. Вторая (та, что в халате) с трудом проговорила:

- Это моя соседка. С моего этажа. Из тринадцатой квартиры.

- Как ее звали?

- Евгения Станиславовна.

- Фамилия?

- Не помню.

- Она жила одна?

- Да.

Вопросы сыпались один за другим. Лейтенант чуял, что нашел ценного свидетеля, и спешил продемонстрировать рвение перед вышестоящими товарищами - теми, что в кожаных куртках.

– Она была совсем одинокой? – продолжал насесть он.

– Сын. Иногда к ней приезжал сын.

Глава 1

Надя

В воскресенье моросил дождь. Москвичи спешили поставить на выходных жирную точку, растекались по ресторанам, кафе, дискотекам. Где-то там, в центре столицы, мерцали витрины, гремела музыка, люди встречались, обнимались, смеялись. Где-то там рекой лилось пиво, и народ давился в очереди на очередной блокбастер в «Пушкинский», и надутые швейцары отворяли перед гостями двери в казино.

Надю совсем не тянуло в суету, в центр. И денег на всякие баловства нет, и желания в такой дождь куда-то тащиться. Она сидела дома и была счастлива. Почти счастлива.

«– Посмотрите, как хорошо! – сказал я, невольно понизив голос.

– Да, хорошо! – так же тихо отвечала она, не смотря на меня. – Если б мы с вами были птицы, как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве...»

Надя вздохнула, отложила книгу, откинулась в кресле, задумалась... Хорошо в промозглый осенний выходной побыть дома: почитать, помечтать. За окном сырость и мерзость, а в квартире натоплено, уютно, оконные стекла исполосованы струйками ледяного дождя. Ни пылинки, ковер тщательно выметен, в «стенке» – милые сувениры: мраморный слоник и голландская ветряная мельница, репродукция Себастьяно дель Пьомбо над столом, недошитое платье в одном из кресел... Надя любила свою квартиру, срослась с ней. Но если бы только было можно... «Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелеными берегами, в одном месте он горел багряным закатом золота... Меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность

воздуха. Свежий и легкий, он тихо колыхался и перекачивался волнами...»

И Надя представляет, как она идет по берегу Рейна, и как покойно кругом, и как солнце играет в величавой воде. «Побывать бы на этом Рейне. Но как? И с кем?!»

...Под окном Надиной комнаты резко взвизгнули тормоза. Хлопнула брошенная сильной рукой дверца. Послышался требовательный рык:

- Юлька! Юлька!!! Ну где ты там?! Выходи давай!

Надя досадливо захлопнула форточку. Когда эта соседка Юлька выйдет наконец замуж - или еще куда из их дома денется?! Вечно ее бешеные поклонники все настроение нарушают.

Читать больше не хотелось. Надя закрыла затертый томик и бережно вернула его на полку, просунула книгу в дальний, второй, ряд. Вовсе не нужно, чтобы Тургенев бросался в глаза гостям. «Тургеневской девушкой» быть нынче немодно, и Надя даже лучшей подруге Ленке не рассказывала, что перечитывала «Асю» как минимум восемь раз. О Надиных пристрастиях знала только мамуля - и, конечно, посмеивалась над мечтательницей-дочкой. Вот и сейчас мама заглянула в комнату и деловито спросила:

- Опять в облаках витаешь?

Надя не сердилась на маму. На то они и родители, чтобы желать, как лучше. Она неопределенно пожала плечами.

- Ты занята? - поинтересовалась мама.

- Платье вот хотела дошить... - Надя махнула рукой в сторону кресла, где топорщился утыканный булавками кусок ткани.

- Вижу я, как ты шьешь, - понимающе проворчала мама. И попросила: - На кухне мне поможешь?

- С посудой? - нахмурилась Надя.

Возню у раковины она ненавидела. Не потому, что сложно, – просто времени жаль. Сколько тарелки ни мой, все равно опять испачкаются, после следующей трапезы придется мыть их снова... а жизнь так и утекает под журчание воды и бормотание кухонного репродуктора.

– Да не бойся, не посуда, – утешила мама. – Я там с рыбой вожусь.

Рыба! Еще хуже! Надя отлично помнила, как мама притащила с рынка живого карпа и забивала его молотком. У карпа – глаза огромные, перепуганные, и кровь во все стороны брызжет...

– Мам, ну боюсь я этих рыб, – жалобно проговорила Надя.

– М-да, хозяйки из тебя не выйдет, – скептически проворчала та.

– Ну ма-ам... – прохныкала Надя еще жалобней.

Но мама не сдавалась: – Пошли, лентяйка, пошли!

В кухне тем временем зашипело, зафыркало.

– Суп убегает! – всполохнулась мама, метнулась из комнаты. Но Надя ее опередила, первой домчалась до конфорки, убавила газ, сняла с кастрюли крышку. Суп спасен, так что зря мама сердится, что она неловкая и небыстрая.

Живого карпа в кухне, по счастью, не наблюдалось, в миске лежали аккуратно разделанные кусочки филе. А раз обойдется без рыбоубийства, можно маме и помочь.

– Ну ладно, говори, что делать, – пробурчала Надя.

– Тесто для фритюра. Взобьешь яйцо, потом добавишь в него пиво...

Надя только головой покачала. Вечно мамуля чего-нибудь учудит. Рыбу в пиве жарить, где ж это видано? Она, Надя, на такие изыски не способна. Только борщ готовить и умеет – целый месяц училась.

Под чутким маминым руководством обед удался. Ни в каком ресторане так не накормят. Одно обидно: мама купила свежий хлеб. А кто удержится от нежнейшего, ароматнейшего, еще теплого батона? Надя съела под супец да под рыбку целых три куса – что означает плюс как минимум килограмм. Поэтому теперь ей придется сидеть без ужина. Или, что еще хуже, валяться на ковре и крутить «велосипед», сгоняя вес. Что у нее за фигура такая! Право, несносная – чуть больше съешь, немедленно полнеть начинаешь. Вон, подруга Ленка лопаает, как три грузчика, а выглядит тоще завалящей селедки.

– Конституция. Аэробика. Сигареты, – оправдывала свой идеальный вес подруга.

С конституцией Наде и впрямь не повезло – что поделаешь, наследственность, мамуля вон уже пятьдесят четвертый размер разменяла. На аэробике Надежде не понравилось. Во-первых, скучно, все движения похожи. А во-вторых, за шустрой тренершей разве поспеешь? А курить Надя тоже не любит. Пофорсить с сигаретой в руке, в общем-то, можно – но потом от самой себя так противно воняет! Никакая жвачка не спасает. Да и мама бурчит насчет рака легких.

Оставалась диета. Тоже, конечно, приятного мало. Когда сидишь за хорошей книгой, так и тянет пожевать то сушку, то сухарик... Может, ей теннисом каким заняться? Или в фитнес-клуб пойти? Только с их доходами в фитнес-клуб с теннисом как раз прямая дорога. Маминой пенсии едва на продукты хватает. А Наде приходится обеспечивать все остальное – одежду, обувь да скромный отдых. Учится она добросовестно – стипендия почти всегда повышенная. После занятий работает на полную ставку, с двух и до девяти, в Исторической библиотеке. Но студентам платят гроши, а библиотекарям и того меньше. А стоять на рынке, как Ленка, Надя не умеет и не хочет. Попробовала однажды книгами торговать – так у нее в первый же день с прилавка сперли дорогущую секс-энциклопедию. Пришлось собственные триста рублей выкладывать. Хорошо хоть, мама ее всегда поддерживает:

– Тебе в библиотеке работать нравится? Ну и работай. С голоду не помрем.

В библиотеке Надя согласна работать хотя бы из-за одного запаха. Так вкусно в библиотеке пахнет! Переплетаются ароматы новых глянцевых книг, пыльных старинных томов, газет, древнего, изъеденного жучком паркета... И еще пахнут цветы – они на пару с начальницей, заведующей профессорским залом, развели на подоконниках целую оранжерею и сурово отчитывают рассеянных ученых, что в задумчивости ощипывают лепестки. Вообще публика у них в Историчке

классная. Например, старушки-ученые, приходящие в их профессорский зал. Надя, кажется, физически на расстоянии ощущает их ум, и железную, совсем не женскую логику, и аромат давно забытых духов... Молодые доценты – не те, что являются в затерханных джинсиках, а успешные, работающие на западные гранты, – просто фантастика. От них пахнет «Хьюго Боссом», и хорошими сигаретами, и еще каким-то особенным, очень мужским запахом. Так и хочется немедленно рвануть в хранилище и самолично разыскать для них какое-нибудь редкое Уложение шестнадцатого века...

– Давно бы кого из них подцепила! – советует Ленка.

Только как их подцепишь? Кто обручальным кольцом сверкает – с такими Надя не связывается. А другие – шоколадки дарят, но телефончик не просят...

– Ты еще в балахон нарядись. И в чадру, – издевается подруга, оправдывая невнимание к Наде со стороны мужиков.

Верная Ленка давно пытается приучить Надю к кофточкам в обтяжку да к легкомысленным юбкам. Но за мини-юбку заведующая без гарнира сжует. А узких кофточек Надя сама стесняется. Грудь у нее подкачала – выросла, будто на силиконе. Натуральные пышки. Хачики с рынка так и норовят цапнуть. Такие булки выпячивать – себе дороже. По улице спокойно не пройдешь, да и профессоров в греховные мысли вводить боязно...

– Все у тебя будет, – успокаивает Надю мама. – Просто ты молодая еще.

– Ну ничего себе, молодая – двадцать три уже! – возмущается Надя.

А мама говорит ей, что женщины делятся на «свистушек» и «настоящих». «Свистушки» выскакивают замуж сразу после школы, немедленно обзаводятся кучей детей и годам к тридцати выходят в тираж, стареют и меркнут. А «настоящие», говорит мама, в тридцать лет только расцветают, наливаются соком, мудреют. «Молодость для них – как для брильянта огранка, – уверяет мама. – Свистушки, пока молоды, водку пьют. А настоящие – ума набираются. И к тридцати – засияют. Как алмаз «Орлов» – засияют!»

Надя вздыхала, слушая мамины утешения. Никто не спорит, хорошо мечтать, что скоро ты превратишься в бриллиант. Но только так скучно весь выходной сидеть

в своей комнате! И лишь читать про то, что где-то есть и любовь, и секс, и разочарования, и жизнь, и праздник... А выходной уже катится к вечеру, и вот соседка Юлька с довольной мордочкой выпорхнула из подъезда. Одета в неизменную кожаную юбочку, грузится в чей-то потертый, но – джип. Уносится на поиски приключений. А у нее, Нади, приключения только в книгах. И в них же – страсть, ненависть, ревность. А настоящей жизни будто и нет. Стоит она, как Гаврош, у манящих витрин, а зайти внутрь не может.

«Кожаную юбку себе, что ли, купить? – думает Надя, уже засыпая. – Ноги-то у меня длинные...»

* * *

Дима.

То же самое время

Дима сидел в кабачке на Дам-сквер, пил пиво. Расслабленно улыбался. За натертым до блеска окном шумела Европа. Из автобусов выплескивались бесконечные волны туристов. Хмурый уборщик сосредоточенно оттирал еле видимое пятнышко на асфальте. Амстердам, заграница, бочковой «Хайнекен» – все позади, завтра домой.

«Ведь отписываться придется, – вяло думал Дима. – А о чем писать – фиг его знает. Ну ладно, прорвусь. Чего-нибудь да придумаю. Путеводитель куплю, в самолете почитаю...»

О, Амстердам, лихорадочный, бешеный, беспредельный, отвязный город! Что можно о нем рассказать? Написать о не улыбчивых барменах из кафе-шопов? О добропорядочных бургерах, стыдливо хихикающих над непристойными сувенирами? Сувенирные магазинчики Амстердама полны всяких развратных штучек. Себе Дима приобрел «сладкую парочку»: два пластмассовых зайца, один позади другого. Поворачиваешь ключик – звери начинают... э-э... м-мм... Когда Дима в лавчонке самолично завел развратных зайцев и те принялись совершать возвратно-поступательные движения, он ржал на всю Голландию. Зайцы работали до уморы сосредоточенно. А рожица одного из зверей – того, что внизу, – удивительно напоминала постную физиономию главного редактора.

Дима немедленно приобрел сувенир. Он поставит его на свой стол и будет заводить после летучек-планерок.

«Хорош я, хорош, – со смешливым уничижением думал Полуянов, потягивая терпкое свежее пиво. – Неделя в Амстердаме, а материала – с заячий э-э... ну, скажем, хвостик. Никаких тебе культур-мультиур – одна порнуха».

Пиво шло замечательно, осенний день золотился прохладным солнцем, и Дима на самом деле особо не переживал. Он знал цену строгому с виду заданию «написать культурно-исторический очерк об Амстердаме». Слава богу, не первокурсник журфака, понимает, что к чему. Впрочем, первокурсника в Голландию и не послали бы. Такие поездки достаются людям опытным, уважаемым. Это что-то вроде премии. Или аванса.

Рекламный отдел родимой газеты, «Молодежных вестей», всю осваивал бартер. В том числе – туристский. Фирма «Амстердам-сервис» оплатила газете одну путевку. Взамен фирмачам пообещали «очерк на полполосы, а в конце – модульную рекламу турфирмы». В редакции немедленно началась тихая война за халявную поездку. Начальница рекламного отдела уверяла, что лучше ее никто не напишет – тем более что договор добыла именно она. Зам главного прочил в поездку свою фаворитку из отдела писем. Даже вечно витающий в высших сферах заведомо культуры внезапно спустился с небес и предложил свои услуги по «полномасштабному освещению культурологических пластов Амстердама».

Но в поездку отправили его, Полуянова. Чего уж скрывать – очень приятно. Даже не из-за Голландии – подумаешь, фуфло, и сам мог бы путевку купить, – а потому, что, выходит, его в газете ценят. Берегут. Боятся потерять.

Привязывают к «Молвествям» заграничными вояжами.

– Отдыхай, Полуянов, набирайся сил, – напутствовал его редактор. – И смотри мне там – без кафе-шопов...

– Как можно? – округлил глаза Дима.

Просвещенные коллеги уже успели его напутствовать: мол, только в прогрессивном Амстердаме можно забить добрый косячок, не рискуя попасть за это в кутузку. И Дима решил, что обязательно попробует голландской «травки».

Немного, пару затяжек. А то журналист называется – до тридцати лет дожил, а марихуаны не употреблял ни разу. Но уж в Амстердаме, где косяки в каждой кафешке скручивают, он своего не упустит!

Впрочем, еще в самолете и даже в амстердамском аэропорту со смешным названием Схыппол Дима честно собирался ходить на экскурсии и в музей. Записывать впечатления, цифры и факты. Приобретать местные газеты на английском...

Но в первый же вечер, когда его группа разбрелась по номерам, Дима отправился на вылазку. Как можно спать, когда ты – в Амстердаме, а на часах полночь, и улицы шумят-гудят, и под окнами фланируют расслабленные, аппетитные туристки... В конце концов, он даже «Хайнекена» настоящего еще не попробовал! Дима без сожаления покинул отель и немедленно осел в симпатичной пивнушке. Потягивал «Хайнекен» – хорошим пивко оказалось, не то что в Москве! Глазел на девушек. Девушки, почти все, призывно улыбались в ответ. Только выбирай! Он подкатился к типичной, на его взгляд, фламандке – пухленькой и белокурой. Впрочем, лапуля уверяла, что она француженка, но какая, собственно, разница, когда у девчонки глаз горит и она соблазнительно облизывает влажные, пухлые губки!

– Ты «траву» курить умеешь? – немедленно поинтересовалась новая подруга.

– Нет. Но хочу попробовать, – честно ответил Дима.

– И мне косяк купишь?

– Нет вопросов!

Девчонка радостно подскочила. Они потащились сначала в один кафе-шоп... потом – в другой... везде брали один косяк на двоих. Девчонка и смолила за двоих, а Дима старался дым почти не вдыхать. Однако очень скоро он отчего-то почувствовал себя сильным и бесшабашным. И готовым к разным безумствам. После второго косячка они с девушкой целовались в чистой голландской подворотне. После третьего новой подружке пришла в голову фантастическая идея: пойти в район красных фонарей и взять стройную мулатку – одну на двоих. Полуянов браво согласился. Но месторождения мулаток они не нашли. В проституточьем квартале за стеклянными витринами восседали все больше

раскормленные блондинки. Дима во все глаза пялился на их мини-трусики и мини-лифчики и обнимал новую подругу за разные места все крепче.

Когда Дима перешел к более решительным действиям, француженка потребовала с него за любовь сто баксов. Оскорбленный, уставший и пьяный Дима покинул меркантильную нахалку и долго блуждал по ночному городу, пытаясь отыскать дорогу в гостиницу. Оказавшись наконец в отеле – часов в пять утра, – Дима понял, что встать к восьми, к завтраку и неизбежным экскурсиям, он решительно не сможет.

«Ну и город! – ошарашенно думал Дима. Он проснулся в час дня и, лежа в постели, потягивал ледяной сок из бара. – Здесь ухо остро держать нужно! Все, больше никаких косяков! И никаких француженок!»

Он прислушался к собственному организму. Ломки вроде не было, тяги к наркотикам тоже. Зато разыгрался волчий аппетит. Орешки из мини-бара голод не утоляли, и Полуянов решил пообедать в приличном месте. Он вышел из гостиницы, поспешно миновал вчерашнюю свою первую пивнушку, прошел мимо множества кафе-шопов и наконец выбрал некий «Саппер-клуб». Его привлекло благородное, респектабельное название – «Клуб для ужина».

Метрдотельша провела его в зал, и Дима растерянно остановился на пороге. В комнатке, выкрашенной в белый цвет, имелось несколько белых лежаков – точно, как на пляже. На них и возлежали посетители, сосредоточенно поглощавшие пищу.

– А где столы? – озадаченно спросил Дима.

Метрдотельша очаровательно улыбнулась:

– Столы – это в обычных ресторанах.

Дима пожал плечами и устроился на указанном лежаке. Немедленно явилась официантка. Водя пальцем по меню, Полуянов украдкой посматривал под ее коротенькую юбку. Девушка отвечала благосклонными взглядами, и, принимая из ее рук аперитив, Дима осмелел настолько, что погладил милашку по кругленькой попке. Официантка хихикнула. Диминой рука неловко соскользнула – и вдруг!.. О, ужас! Под юбочкой официантки он нащупал ощутимую выпуклость.

Она – мужчина!

Он отдернул руку, как от кипятка. Расстроенная официантка, то бишь официант, ушла (ушел) на кухню за заказом.

Полуянов присмотрелся к прочим дамочкам из obsługi. Да они здесь все – мужики! У этого щетина пробивается, а у того накладные груди перекошились! Гомики! Хотя нет, это не гомики. Это – трансвеститы!

Но не бросать же заказанную еду! Избегая смотреть на фальшивых официанток, Дима принялся поглощать суши с лососем, а обслуга, которой явно пришлось по душе ясноглазый, румяный Димочка, оказывала ему повышенные знаки внимания. Торопливо покончив с пищей, оплатив счет и отклонив игривую просьбу официанта «помочь ему в подсобке», Полуянов направился к выходу. Заглянул в туалет, но и здесь его ждал сюрприз. В «Саппер-клубе» сортир оказался общим и для мужчин, и для женщин. Туристы женского полу без стеснения подтягивали чулки, туристы-мужчины оккупировали писсуары. От такой картины Дима, кажется, даже умудрился покраснеть и отказался справить нужду.

«Нет, мне нужна приличная девушка! – решил он, придя в себя после «Саппер-клуба». – А то в этой Голландии или гомиком сделают, или наркоманом!»

Приличная девушка сыскалась в тот же вечер. Дима подцепил ее в ресторане быстрого питания – его привлекли очки в золотой оправе и газета «Таймс» в руках. Девчушка оказалась американкой, баптисткой и студенткой Уортона. Она с энтузиазмом разделила Димино отвращение к кафе-шопам и гей-клубам. Однако музеи, галереи и концерты новую подругу тоже не интересовали. Потому парочка пять дней жила по примитивному, но приятному распорядку: ресторан – бар – отель. Изредка в холле своей гостиницы Дима встречался с руководительницей группы и ловил ее укоризненно-завистливые взгляды.

И вот теперь, когда американочка убыла в свой Уортон, да и Диминая поездка подходила к концу, он понял, что практически ничего не знает ни о Голландии, ни об Амстердаме. К примеру, он слышал, что здесь до черта каналов. (Кажется, больше ста?) Он слышал, что центральная площадь города называется Дамсквер. (В честь Жан-Клода Ван Дамма?) Еще откуда-то вылезла информация, что в год сюда приезжает до шести миллионов туристов (о, как он их понимает!) и

что именно в Амстердаме можно увидеть картину Рембрандта «Ночной дозор»... Он даже репродукцию этого «Дозора» наблюдал каждый день – с позиции «мужчина сзади» Рембрандт в его номере смотрелся изумительно. Вот, кажется, и вся полезная информация. Музей секса, куда Дима с американкой забрели однажды под утро, в очерк вставить удастся, видимо, лишь краешком.

Но разве опытных журналистов может напугать отсутствие материала? К тому же не все еще потеряно. До Москвы лету – три с половиной часа. Он возьмет в самолете пару интервью у более сознательных туристов. А пока выпьет еще один настоящий, ядреный «Хайнекен».

Мобильник зазвонил, когда Дима расплачивался с барменом. «Не иначе, руководительница группы меня окончательно потеряла», – досадливо подумал Полуянов, нажимая на кнопку приема.

– Дима? – услышал он в трубке далекий и властный голос. Звонил главный редактор. Дима слегка напрягся. По пальцам можно было пересчитать случаи, когда главный звонил ему по приватным телефонам: в основном по поводу острых моментов в его статьях. Но сейчас у Димы в секретариате не имелось ни одного «гвоздя». Чего же тогда главный звонит?

– Да, Василий Степанович, это я, – проговорил Полуянов.

«Может, главному донесли о моем «плохом поведении» в Голландии? – мелькнула даже мысль. – Да нет, не те времена. Кого это сейчас колеблет...»

– Димочка, боюсь, у меня для тебя плохие новости.

– Что случилось? – напрягся Дима.

– Твоя мама...

– Что?! – выкрикнул в трубку Дима, предчувствуя нечто недоброе.

– Она... Она скончалась. Скоропостижно. Мне очень жаль.

– Как?!

– Кажется, ее убили.

– Убили?!

– Да. Похоже, какие-то хулиганы. В подъезде. Я тебе искренне соболезную. И все сотрудники – тоже. Мы тут приняли решение, что затраты на похороны редакция возьмет на себя. А ты... Словом, выражаю тебе свое соболезнование. И ждем тебя в Москве.

То же самое время

По вечернему темному проспекту автомобили катились в основном в противоположную сторону: к окраинам Москвы. Обратно просвистывали редкие фары. Прохожие промозглым вечером отсутствовали как класс, как вид, как отряд. И ровно никого не было возле телефонной будки, неподалеку от которой остановилась машина, ехавшая в сторону центра.

Мужчина выключил мотор, вылез из авто. Невзирая на пустоту проспекта, запер машину. Вошел в тесное пространство телефонной будки. Вдвинул в прорезь карту, снял трубку. Не снимая перчаток, отщелкал на клавиатуре семь цифр. Трубку взяли после пятого гудка.

– Мама? – радостно прокричал тот, что звонил из будки.

– Какой вы номер набрали? – ответил раздраженный голос.

Человек растерянно назвал.

– Неправильно, – сухо проговорили на другом конце провода и тут же повесили трубку.

Человек вышел из будки, вернулся к машине, завел, отъехал от тротуара.

Спустя пятнадцать минут, когда он уже стоял в пробках внутри Садового кольца, человек достал из бумажника телефонную карту, по которой только что

звонил. Потом зашвырнул ее на полосу встречного движения.

А тот мужчина, которому звонил автомобилист, сразу, как положил трубку, провел на листе бумаги короткую резкую черту. Или тире? Или минус? Затем добавил после минуса цифру «два».

Подумал недолго, а потом косой диагональной чертой преобразовал двойку – в восьмерку. Затем – задумчиво заштриховал ее внутренности. Наконец отложил ручку, смял бумажный лист и легким движением кисти бросил комок в корзину. Катыш лег точно в цель. «У меня всегда все получается», – произнес про себя человек любимую, почти магическую фразу.

Глава 2

Дима.

Прошло четыре дня

Его разбудила музыка. Вырвала из сладкого сна. Снилось ему свобода – в виде яхты, скользящей вдаль от берега по искрящимся волнам. И еще снилась любовь – в образе двух девчонок в купальниках рядом с ним, на той самой яхте.

Проигрыватель разбудил, как положено, в восемь. К музыке отчего-то приплеталось мяуканье. Откуда у него в музыкальном центре кошка? Кошачий визг вернул его из сладких нитей сна к непоправимой яви.

Орет мамин кот. Он перевез его к себе домой.

Потому что вчера он похоронил маму.

Вспоминать об этом было невозможно. Поэтому Дима немедленно вскочил и отправился на кухню. Жирный кот Бакс побежал, непрерывно крича, вслед за ним. Котяра просил еды. И, наверное, хотел в туалет. Ни кошачьей пищи, ни песка в холостяцком быту Димы не было. Надо было тащиться в магазин за всякими там «муркасами». Что ж, Дима готов был заняться чем угодно, лишь бы

не думать о маме.

Голова трещала со вчерашних поминок. Кажется, он здорово перебрал. Во всяком случае, как возвращался домой (с котом в руках?), Дима не помнил. Похмелье тоже помогало не думать о маме. Можно было представлять себе, что она не умерла, а просто уехала. Сейчас ее нет в Москве, но мама обязательно вернется. Когда-нибудь.

Слишком остра и неожиданна была потеря. Всего несколько дней назад она была жива, и Дима вспоминал о ней в Амстердаме – как о живой. Он купил ей там на алмазной фабрике колечко с крошечным бриллианчиком. У бедной мамы во всю ее жизнь не было ни единого бриллианта. Он представлял в Голландии, как приедет к ней домой в однокомнатную квартирку на проезд Шокальского, достанет бархатную коробочку, протянет... А она примет подарок, опасливо раскроет, обрадуется – и смутится. И наверное, покраснеет, словно девчонка.

А оказалось: некому краснеть, радоваться, смущаться.

Постылое кольцо Дима запрятал поглубже в сервант. И старался все эти дни до похорон не думать о маме. Право, если начать думать – в этих мыслях можно было слишком далеко зайти. И вообще – перестать думать о чем-нибудь, кроме нее. И значит, просто выйти из строя.

А Дима совсем не хотел выходить из строя. Теперь, помимо обычных ежедневных забот, у него появилось новое дело. Он хотел отомстить. Найти этих сволочей, что испыряли ножами его мамулю. Кто они были: наркоманы? алкоголики? отмороженные подростки? бомжи? Все равно. Против этих гадов Дима чувствовал красную, огненную, яркую злобу. И уж вот это чувство он в себе притушать не собирался.

Небритый, неумытый, Дима вывалился на улицу и побежал в ближайший супермаркет. Надо позаботиться о бедном животном.

Одинокие кассирши в магазине смотрели на него с удивлением: неопохмеленный, небритый красавчик покупает с утра пораньше странный набор: баночки с кормом, плоску для кормления домашних животных, лоток и наполнитель для кошачьего туалета...

Вернувшись домой, Дима дал животному еды. Бакс от избытка чувств стал лизать ему пальцы. Вот ведь продажная тварь – за плошку «муркаса» готов руки целовать. А ведь когда кот жил с мамой, он на Диму только посматривал – нагло, свысока...

Наконец-то Дима выпил крепчайшего кофе «лаваццо». Совершил гигиенические процедуры, выкурил первую с утра, самую сладкую сигарету.

Оделся. Спустился во двор.

Его «шестерка» покрылась капельками росы после осенней ночи.

Мысли вернулись к маме. «Конечно, – подумал он, – я не стану сам искать их, этих подонков. Для этого есть милиция. Пусть мильтоны наконец займутся делом. Не все им сшибать с водителей полтинники по обочинам шоссе. Или шерстить на улицах лиц неславянской внешности. А чтоб надавить на ментов, я употреблю все свои связи. И задействую весь авторитет собственной газеты – весьма заметной газеты. И все знакомства своих коллег или друзей...»

Дима сел за руль. Мотор завелся с пол-оборота. Круглые часики на панели «шестерки» показывали девять пятнадцать, как обычно. Ему предстоял неблизкий путь: из Орехова-Борисова в центр, в редакцию. Хорошо, что он поедет на машине. Утренние пробки отвлекут его от мыслей. Когда тебя похамски подрезает «Мерседес», не до рефлексий.

Дима включил заднюю передачу и, осторожно лавируя среди расплотившихся в последнее время соседских машин, вырулил со двора.

* * *

Надя.

То же самое время

Надя проснулась точно по будильнику, в восемь. За окном едва рассвело, шумел дождь, и вставать решительно не хотелось.

Мама давно поднялась, суетилась на кухне. Выманивала дочь на запах блинчиков и свежесваренного кофе. Но вот незадача: и блинчиков хочется, и вставать неохота...

Десять минут Надя дремала, еще пятнадцать – нежилась, а потом минут двадцать вертелась с боку на бок, уговаривая себя наконец подняться... Спихнулась она только ближе к девяти, когда поняла, что безнадежно опаздывает на первую пару. Вскочила, накинула халатик, кое-как причесалась – понимая, что в институт она уже не успевает. И кого в том винить? Дождь? Серую хмарь за окном? Или нежное пуховое одеяло?.. И чего теперь делать? Спешить-лететь, на ходу глотая завтрак? Или уж – ну ее к богу в рай, эту первую пару, эти принципы организации библиотечных каталогов? Подумаешь, каталоги, ящички-карточки... Она и так о них все знает – какие только книги не приходилось искать в Историчке для привередливых доцентов.

У мамы на кухне вовсю кипела работа. Возвышалась кастрюля, полная свежего теста, шкварчали маслом две раскаленные сковородки. Надя чмокнула маму в разгоряченную, жаркую щеку:

– Доброе утро!

– Проспатушки? – ласково спросила мама.

Надя улыбнулась в ответ:

– Не-а... Валятушки. – И добавила: – Это, мам, ты во всем виновата. Сама одеяло мне такое купила, так и лежится под ним, так и лежится...

Мама всегда поругивала Надю, называла лежебокой. Кажется, и сейчас она хотела сказать свое вечное: «Так всю жизнь пролежишь». Но отчего-то передумала. Промолчала. Ловко шлепнула в тарелку очередной блинчик – душистый и тонюсенький, словно пергамент. Угостила сковороду новой порцией теста. Прикрикнула на дочь, уже пристроившуюся подле стола:

– Иди, глаза хоть промой!

Надя приказание проигнорировала. Ухватила блинчик, макнула его в клубничное варенье... Мама только головой покачала, но сердиться опять не стала. Налила дочери кофе, присела рядом.

- Мамуль, ты сегодня какая-то мирная... - пробурчала Надя с набитым ртом. - Я думала, ты ругаться будешь...

- А чего мне на тебя ругаться? - улыбнулась мама.

- Ну, лекцию я проспала, глаза не вымыла...

Мама задумалась - на секунду, на полсекунды. Надя не сводила с нее глаз и отчего-то разволновалась: мамуля хочет сказать ей что-то неожиданное? Но мамочка только тряхнула головой и кивнула в сторону окна, залитого беспросветным дождем:

- Проспала - и ладно. В такую погоду я тоже училище прогуливала. - И спросила: - А чего тогда вскочила? Валялась бы себе хоть до девяти...

Надя покончила с очередным блинчиком и объявила:

- А я себе сейчас мэйк-ап буду делать.

- Чего-чего?

- Ну, макияж. Тени там, пудры...

Надя замолчала, наблюдая за маминой реакцией. Сейчас начнет небось выведывать: а не влюбилась ли ты, милая дочка?

Но мама ничего выспрашивать не стала. Вздохнула:

- Созрела наконец... Или это Лена тебя сподвигла?

- Ну, частью Ленка... - Надя увлеченно закатала в блин полную ложку варенья. - А частично сама решила. У меня лицо... как это говорят... нуждается в

подчеркивании.

– Могу помочь, – охотно предложила мама.

– А ты умеешь? – поддела дочь.

– Спрашиваешь! Я на работе всех девчонок красила. Чего-то, наверное, и сейчас еще помню...

– Мамуль, ты у меня – золото! – просияла Надя. – И стрелки мне подведешь?

– Могу и стрелки! – браво заявила мама.

Надя вытерла сладкий от блинчиков рот, чмокнула маму в щеку и понеслась в ванную. Ей не терпелось побыстрее умыться и приступить к мэйк-апу. То-то девчонки ахнут, когда Надежда явится на вторую пару с настоящими стрелками!

* * *

Дима. Тот же день, 10.30

Коллеги знали о его потере. В длинном редакционном коридоре, по пути к своему кабинету, Дима поймал на себе пару сочувственных женских взглядов. Несколько человек, особо близкие к нему корры-мужики, были вчера на похоронах. Помогали нести гроб. От имени редакционного коллектива на свежую могилу Евгении Станиславовны Полуяновой возложили венок.

Дима вошел в свой кабинет, повесил куртку на плечики, включил компьютер. Это означало: я здесь, я на рабочем месте. Даже не просмотрев электронные письма, набившиеся в его почтовый ящик за последние пару дней, вышел из кабинета. Он хотел поговорить с главным редактором – пока того не закрутило ежедневное редакционное веретено: летучки-планерки, разборки с авторами и героями публикаций, интриги с издателями и визиты в «сферы».

– У себя? – спросил он, входя в «предбанник» у кабинета главного.

– Да-да, Димочка, заходи, – сказала Марина Михайловна, пятидесятилетняя секретарша, сказала ласковей, чем обычно. Поглядела на молодого спецкора сочувственно.

Главный редактор, как всегда по утрам, просматривал внушительную кипу свежих газет.

– Проходи, Дима, – сказал он, не поднимая головы. – Садись.

Сам встал из-за стола и сел напротив Полуянова за столик для визитеров. Тем самым продемонстрировал: он понимает, что разговор предстоит неофициальный. Спросил:

– Тебе отпуск не нужен?

– Нет, – твердо ответил Дима.

– Ну и правильно. Работа – лучшее лекарство. А когда надо будет, поможем и с памятником, и со всеми прочими делами. У нее ведь никого, кроме тебя, не было?

– Нет, Василий Степанович.

– Соболезную. Еще раз – соболезную. – Главный побарабанил пальцами по столу. Молчал. Молчал и Дима. Тогда главный спросил: – Чем еще мы можем помочь?

– Я бы хотел, чтобы убийцы матери были пойманы. И наказаны.

– Понимаю тебя. – Пауза. – Я могу, конечно, позвонить начальнику ГУВД. Или даже министру. – Пауза. Перестук пальцев по столу. – Но давай отложим этот вопрос на два-три дня. Пока мне подобное давление на следствие представляется несвоевременным. Дело, насколько я понимаю, расследует окружное управление. А мильтоны там – «на земле», как они говорят, – очень ревниво реагируют, когда на них начинает давить начальство: указывать им, помыкать... Так что давай лучше я тебе устрою встречу с начальником окружного Управления внутренних дел. Прямо сегодня. Не против?

Дима дернул плечом:

– Можно.

– Похоже, – продолжил редактор, – убийцы – тамошние отморозки. Поэтому местные менты поймают их скорей, чем кто бы то ни было. А если через три-четыре дня результатов не будет, я сам отзвоню лично министру. Не против?

Дима опять пожал плечами.

– Только, пожалуйста, Полуянов, – слегка нахмурился главный, – давай без самодеятельности. А то ты любишь!.. – Он покрутил в воздухе рукой, словно рисуя нечто неопределенное, но до крайности завиральное и сомнительное. – То ты, понимаешь ли, с парашютом прыгаешь из рейсового самолета. То к мафии в плен попадаешь. То телепата на видео снимаешь – помнишь, какие тогда у нас с эфэсбэшниками неприятности были?.. Так что ты береги себя, Полуянов! – сказал редактор с оттенком не заботы, но скорее легкой угрозы. И продолжил: – Каждый должен заниматься своим делом. Мильтоны – ловить преступников. А журналисты – об этом писать. Но не наоборот. Кстати, можешь пообещать начальнику окружного УВД от моего имени: найдет убийц твоей матери – дадим о нем и его людях очерк на полосу. И фотку его лично, в мундире и медалях, на четыре колонки дадим – так дадим, как раньше только Брежнева печатали... В каком, говоришь, округе твоя мама проживала?

– В Первом Северном.

– Прямо сейчас тамошнему милицейскому боссу и позвоню. Я его немного знаю.

Главный редактор встал из-за столика, давая понять Диме, что аудиенция окончена.

* * *

Надя. Тот же день, 16 часов 45 минут

– Профессоров наших, похоже, дождем залило! – вздохнула начальница.

Время вроде самое ходовое – а в читалке профессорского зала сидит лишь парочка старушек.

Надя вместе с начальницей давно переделали все дела: «сброшенные» книги сданы в хранилище, свежие газеты подшиты, и даже пустившую побеги фиалку рассадили по двум горшкам. Выпили уже по три чашки чая и все удивлялись: в Историчке такое затишье бывает редко. Не иначе, мерзкая погода виновата. Студентам-то все нипочем, их зал набит под завязку – а профессора, видать, приболели.

– Может, магнитные бури сегодня? – предположила Надя. – Вот старички наши и расхворались?

– Может, и бури, – пожала плечами начальница.

Она взглянула на часы:

– Почти пять. Отпустить тебя домой, что ли?

– Как скажете, – равнодушно произнесла Надя.

Краем глаза она заметила: в начальничьей сумке пестрит обложкой какой-то дамский роман. Наверняка шефиня, пользуясь затишьем, за него и возьмется. Но при Наде ей неудобно. Разве пристало читать Сандру Браун заведующей профессорским залом?!

Надя с удовольствием осталась бы в Историчке, она давно заказала из хранилища парочку нужных книг для курсовой. Но начальница, бедняга, на свою сумку с романом так и косится, не терпит ей почитать про то, как «соски ее напряглись». Ну и пусть читает.

– Мамуль, я домой еду, – позвонила Надя.

– Правда? – обрадовалась мама. – Приезжай, Надюшенька, я тебя жду.

* * *

Дима. То же самое время

Главный редактор не подвел. На семнадцать ноль-ноль назначил Полуянову встречу с начальником Управления внутренних дел Первого Северного округа, генерал-майором с говорящей фамилией Ухваткин.

Первое Северное УВД располагалось на улице Адмирала Макарова. Места Диме были знакомы. Здесь поблизости находились редакции русского «Плейбоя» плюс всяких там «Космополитэнов» и «Домашних очагов». В «Плейбое» Димочка как-то, года три назад, опубликовал большое интервью с молодым политиком Борисом Земцовым – и был, помнится, приятно поражен гонораром, составившим четырехзначную долларовую сумму. Очень порадовали его тогда и расфуфыренные, стройненькие, все как на подбор, девочки и дамочки в редакционном буфете. Он в тот вечер сорил неожиданным гонораром направо-налево, и мало кто ушел из буфета, не облагодетельствованный джином и виски за Димин счет. А домой он уехал с очаровательной стервочкой из молодежного журнальчика «Йес!».

(«Давай, давай, вспоминай об этом! О чем угодно вспоминай! Только о маме не думай!»)

Вечерние пробки еще не разлились по столице, поэтому до улицы Адмирала Макарова Дима добрался раньше назначенного срока. Посидел в машине, покурил. Послушал по одной из FM-радиостанций заголовки сегодняшних новостей. «Министр топлива и энергетики Иван Кочугин заявил, что отключений электричества в Приморье больше не будет... Проведены обыски в рабочем кабинете министра путей сообщения Арсененко... Лидер правого меньшинства Государственной думы Борис Земцов заявил о необходимости начать переговоры с чеченскими террористами...»

«Ну и тягомотина!.. Хоть бы чего веселого рассказали!»

Часы на приборной панели «жигуленка» показали шестнадцать пятьдесят пять. Дима выключил радио. Несмотря на всю свою внешнюю расхлябанность, он терпеть не мог опаздывать.

В кабинет однозвездного милицейского генерала Ухваткина он вошел ровно в семнадцать. Моложавый, похожий на медведя генерал встретил Полуянова как

родного. Авторитет самой тиражной в России газеты пока еще, похоже, действовал на милицейское начальство. Генерал вышел из-за стола, сделал семь шагов Диме навстречу, сжал его ладонь мощной ручищей, усадил. Затем вернулся за стол и широко улыбнулся. Он, кажется, изо всех сил изображал «рубаху-парня»:

– Чайку? Кофейку? Или, – он подмигнул, – чего покрепче?

Безулыбчивые глаза его между тем тщательно изучали лицо, фигуру, руки Полуянова. Генерал, видимо, пытался понять, насколько может быть опасен неожиданный журналюга. Опасен – ему лично и его службе. Сделав для себя некие выводы, он тут же постарался придать своим глазам максимально радушное выражение. Весь аж лучиться стал.

– Ничего крепкого я пить не буду, – сказал Полуянов, – а вот чайку – можно. Как раз самое время для файф-о-клока.

– Вы в Англии работали? – вдруг спросил генерал.

– Нет. Но я там бывал, – незамедлительно отреагировал Полуянов.

Генерал усмехнулся. Рекогносцировка, кажется, была завершена, и Ухваткин нажал кнопку селектора.

– Лидочка, чайку мне. И все, что там полагается!

Молодая деваха (в форме прапорщицы внутренних войск, между прочим) чуть ли не через секунду внесла в кабинет поднос с чаем, сахаром, печеньем и почему-то рахат-лукумом. Дима оглядел ее фигурку и как бы в пространство бросил:

– Говорят, мужчинам форма идет. А оказывается, она и женщинам идет. И даже очень.

Девушка-секретарша поощрительно улыбнулась ему.

(«Все, что угодно, делай: флиртуй, ухаживай, неси пургу девчонке, наезжай на генерала – или уговаривай его... Только о маме, о маме не думай!»)

Когда файф-о-клок был сервирован и красотка в мундире вышла, генерал, глядя в сторону, пробасил:

– Знаю о вашем горе. Сочувствую вам. Приношу глубокие соболезнования. И, со своей стороны, заверяю, что вверенный мне личный состав сделает все возможное – и невозможное! – чтобы найти и задержать преступников.

– А что конкретно для этого делается? – немедленно спросил Дима и вытащил из внутреннего кармана пиджака микродиктофон «Сони М-425».

– Секунду. – Генерал сделал жест типа «повремени, мол, писать-то». Ткнул пальцем в селектор. Коротко бросил Полуянову: – Это – не для записи.

По громкой связи тут же браво отрапортовал голос:

– Слушаю, товарищ генерал!

– Савельев! Что у тебя по убийству на Шокальского?!

Секундное замешательство, а потом бодрый выдох:

– Работаем, товарищ генерал!

– Что значит «работаем»?! – не смог сдержать наигранного гнева генерал Ухваткин. – Давно пора закрыть дело! У меня тут, между прочим, сидит журналист! И не откуда-нибудь, а из «Молодежных вестей»! И он, этот журналист, – сын той самой пострадавшей! Сын погибшей! Ты знал об этом, Савельев?!

Пауза в селекторе, вздох:

– Никак нет, товарищ генерал.

– А почему не знал?!

Нет ответа.

– В общем, так. Ты, Савельев, учти: дело у меня – под личным контролем. – Генерал вытащил из настольного прибора золоченую ручку, демонстративно черкнул чего-то в перекидном календаре. – И у нашей прессы – тоже.

Ухваткин покосился на Диму.

– Неделю тебе, Савельев, даю, – продолжил он в селектор. – Найдешь супостатов – честь тебе и хвала. Не найдешь – на горный курорт поедешь, вне очереди! Понял?!

– Так точно, товарищ генерал. – Вздох.

– Ты там не вздыхай. Работать надо, а не вздыхать! В общем, так: через десять минут зайдешь ко мне. Сначала опросишь товарища журналиста. Как свидетеля по данному делу опросишь. А потом доложишь ему, как идет работа над делом. Естественно, в рамках допустимого доложишь. Не раскрывая всех секретов оперативно-разыскной деятельности. А вот мне, – внушительно повысил голос генерал, – ты будешь докладывать дело в полном объеме. И – ежедневно! Понял, Савельев?!

– Так точно.

– Все! Работай! – Ухваткин сердито отключил селектор.

Когда бы речь шла не о маме, Дима, пожалуй, ухмыльнулся бы: настолько наигранной выглядела сцена. Слушая спектакль, в ходе которого генерал, что называется, перевел стрелки на неведомого Савельева, Дима впервые подумал, что его вера во влияние прессы на ментуру была, пожалуй, преувеличенной. «Замотают менты дело, – с тоской подумалось ему. – Как пить дать, замотают. А если и поймут гадов, то случайно... Что же, просить главного звонить министру внутренних дел?.. Так ведь звони министру, не звони – все равно крайним окажется какой-нибудь Савельев».

Когда Ухваткин повернулся к журналисту, Дима быстро спросил:

– Вы упоминали про «горный курорт вне очереди». Это что – Чечня?

– Так точно, – вздохнул генерал. – У меня за год три офицера там погибли. – И добавил задумчиво: – Эх, какие ребята были, если б ты знал, журналист!..

Генерал с легкостью перескочил на «ты», будто бы гибель его бойцов (и, стало быть, его собственная, полная опасностей работа) давала ему на это неоспоримое право.

– Сочувствую, – пробормотал Полуянов.

– Знаешь, корреспондент, – в прежней доверительной манере проговорил генерал, – мы, конечно, не те менты, как в телевизоре показывают. Но я тебя уверяю: мы тоже кое-что умеем. И я твою горе понимаю. И я тебе обещаю – я, лично! – я сделаю для тебя все, что смогу. Слово офицера.

«Какой артист в нем помирает, – подумал Полуянов. – С какой легкостью необыкновенной генерал меняет настороженность на радушие. А радушие – на начальственный гнев. А гнев – на задумчивость... Как же он до генерала-то дослужился, если столько на публику работает? А может, именно потому и дослужился?»

В дверь постучали, потом заглянули.

– А, Савельев!.. – проговорил генерал, опять меняя тон – теперь на отеческий. – Давай, Савельев, проходи, садись. Заждались мы тебя. Вот, познакомься: тот самый корреспондент. Из всеми нами любимой и уважаемой газеты – «Молодежных вестей».

Дима привстал. Навстречу ему по красному генеральскому ковру прошагал стандартно одетый кожаный молодой человек. На устах – приклеенная улыбка. «А лицо у него – хорошее. Честное лицо», – успел подумать Дима.

Молодой оперативник представился Полуянову:

– Капитан Савельев. – Потом улыбнулся не по-казенному, а, кажется, от души и добавил: – Вася.

Полуянов почему-то подумал: «Пожалуй, если кто и сможет найти убийц матери, то этот самый оперативник. Капитан Савельев. Вася».

* * *

Дима.

Тот же день.

18 часов 05 минут

Кабинет, где размещался капитан Савельев, оказался убогим и тесным. Три стола. Один компьютер. Один продавленный диван. Один старинный сейф. На стене грошовый календарь «Осень». На другой – карта Москвы: огромная, подробная (указан каждый дом).

– Садитесь, – кивнул капитан в сторону дивана. – Можете курить.

Сам сел за стол. Придвинул к Диме пепельницу, уже полную окурков. Устало потер лоб. Вдруг сказал:

– Я твои статьи читал. Про красный бриллиант – это ведь ты писал, да?

Дима кивнул.

– Нормально, – удовлетворенно кивнул Савельев. – Врешь мало.

– Что значит «мало»? – оскорбился Дима. – Я вообще не вру.

– Ну, не то чтобы «врешь»... Не так сказал. Ошибаешься мало. И этого, как сказать... – пафоса, что ли? – у тебя нет.

– Спасибо на добром слове, – усмехнулся Полуянов.

– Кушайте на здоровье, – в тон ухмыльнулся Савельев. – Нам не жалко.

«Кажется, мы ровесники, – подумал Дима. – Ему под тридцать. Надо позвать этого опера выпить. И вообще с ним задружиться. А потом сделать о нем очерк. Настоящий, теплый человеческий очерк. Как когда-то старший Аграновский писал. Сто лет таких очерков не было. Конечно, при условии, что этот опер Савельев убийц найдет».

Савельев молчал. Что-то, казалось, взвешивал про себя, а потом, поморщившись, проговорил:

– Я тебе, Полуянов, одну вещь расскажу про убийство на Шокальского... Только ты об этом не пиши ничего. И не болтай никому. Сам понимаешь: тайна следствия и все такое. Хрен знает, к кому эта информация в конце концов может приплыть...

– Я, знаешь, не из тех, кто ради красного словца замочит и отца.

– Да вроде действительно не из тех, – оценивающе глянул на Диму опер. Похлопал себя по карманам. – Слушай, ты сигаретками не богат? Расстреляли к концу дня.

Дима протянул Савельеву пачку.

– Можете курить, – сказал, пародируя милицейские ухватки.

– Спасибо, – оценил юмор Савельев, усмехнулся, закурил, с удовольствием выпустил дым. – Так вот, Полуянов, сначала мы отработывали версию, что маму твою убили ради какой-нибудь вшивой сотни местные наркоманы-отморозки. Или алкашня. Или бомжи какие-нибудь. Ну, или, допустим, хохлы-строители загуляли, вразнос пошли... Но в таком случае, можешь мне поверить, я этих гадов сегодня бы уже тебе предъявил. Участковый там у них на Шокальского толковый. Да и вообще... Алкашня, наркоши – их, как ты понимаешь, я бы нашел да за шкирятник взял бы легко... А оказалось – не все так просто.

– Маньяк орудовал? – предположил Дима. – Доктор Лектер?

– Да нет, похоже, что не маньяк. Там, возможно, другое... Знаешь, Полуянов: когда мы жилой сектор отработывали, двое свидетелей показали – независимо

друг от друга! – следующее. Примерно в то время, когда произошло убийство, из подъезда дома, где проживала твоя матушка, вышли двое мужчин. Без особых примет. В коже, крепкого телосложения. Типичные, короче, бойцы. Они вышли из подъезда на улицу. – Савельев показал пальцами по столу: «топ-топ». – Не спешили. Не суетились. Прошли примерно сто пятьдесят метров вдоль проезда Шокальского по направлению к метро «Бабушкинская». А там оба сели в машину. И на ней, на этой машине, скрылись.

– Поймали тачку, что ли?

– В том-то и дело, что нет. Машина ждала их. С включенным движком. Понимаешь?

– Понимаю.

– Чего понимаешь?

– Какая-то нехарактерно тщательная подготовка – для убийства пенсионерки. Так, по-моему, обычно банкиров убивают.

– Вот именно, товарищ журналист.

– Может, свидетели ошиблись?

– Может, и ошиблись. Может, эти двое, что вышли из подъезда, никакого отношения к преступлению не имеют. Только... Только имеется еще один факт. Сумка твоей матери вместе с пенсионным удостоверением на ее имя – однако, правда, без денег – была обнаружена вот здесь. – Капитан подошел к карте на стене. Ткнул пальцем. – Здесь, на пустыре на берегу Яузы. В конце Полярной улицы. У самой автомобильной дороги. На обочине. Пешком тащиться сюда от дома на Шокальского явно далеко. А вот если они, эти убийцы, поехали в сторону центра на машине – очень даже по пути. Ехали, ехали, а потом вспомнили и выкинули сумку из окна.

– А что за машина, на которой они умотали? Марка, цвет? Что свидетели говорят?

– Правильные вопросы задаешь... – усмехнулся Савельев. – Они говорят, что характерное такое авто. Серая «девятка» – а может, черная. Вечером все кошки серы... Окна у машины тонированы. А номера залеплены грязью.

– Господи, да кому она нужна, мать моя, пенсионерка, чтобы вот так ее убирать?!

– Не знаю я, товарищ журналист. Пока не знаю, – вздохнул опер. – Может, на самом деле эти двое – случайные люди. Просто какие-нибудь «чисто конкретные пацаны» были как раз в тот момент в гостях у другого «конкретного пацана».

– В «хрущевке»? – иронически спросил Дима.

– А че, пацаны не люди, что ли? – спародировал блатной базар опер Савельев. Однако тут же вернулся к серьезному тону: – Но все равно нам эту версию придется отрабатывать. А она, есть у меня такое подозрение, посложней будет, чем версии про алкашню, наркоманов или даже маньяка-одиночку...

– А орудия убийства?

– Что «орудия убийства»?

– Их нашли?

– В том-то и дело, что нет. Тоже не очень характерно для случая с наркоманом-алкашом.

– А экспертизу проводили? – насел Дима. – В том смысле, что при современном развитии криминалистики можно, наверное, определить: один человек орудовал ножом? Или действовали двое? Или – трое?

– Спрашиваешь правильно. – Опер помолчал: подумал, видимо, говорить или нет. Потом все-таки сказал: – Скорей всего, их было именно двое.

– Глупость какая-то...

– Глупость не глупость, но... – Савельев внушительно прихлопнул по столу ладонью. – Я, гражданин Полуянов, сейчас вынужден опросить вас в качестве свидетеля. Где вы, кстати, находились в момент убийства?

– Я? Я пребывал в городе-герое Амстердаме, Голландия.

– Н-да?.. – кажется, разочарованно произнес Савельев. И добавил: – Ну, вы знаете: это легко проверяется.

– Могу предъявить загранпаспорт. Там дата и время прохождения паспортного контроля.

– Я вам верю, Полуянов, – хмыкнул Савельев. – И в таком случае меня интересует: с кем дружила ваша маменька? С кем враждовала? Могут ли иметься люди, желающие ее смерти? На почве, скажем, личной неприязни. Или корыстных побуждений. Кто, кстати, после нее квартиру наследует? Единолично вы, товарищ журналист?

Дима вздрогнул. Опер вроде бы не шутил. Смотрел на него стальным милицейским взглядом. «Все они такие, эти менты!.. Только что он меня чуть не конфидентом, соратником своим, сделал! Все тайны следствия выдал. А теперь – бах! – полный поворот кругом: не ты ли, сволочь, собственную маменьку замочил?! А я еще губы раскатал: очерк, мол, о нем напишу!..»

– Я вчера мать похоронил, капитан. – Дима выдержал взгляд опера. – Поэтому я таких намеков не понимаю. Могу и в глаз засветить. Из чувства личной неприязни.

– Да что вы, товарищ Полуянов, – пошел на попятную опер.

В глазах его явственно читалось: «Ах, ты, блин, – «пресса»! Отправил бы я тебя щас в «пресс-хату». Попрыгал бы ты у меня петушком!» Вслух, однако, Савельев сказал:

– Никто, гражданин Полуянов, не собирался оскорблять вашу честь и достоинство. Просто мы обязаны рассматривать все возможные версии. А уж с вас, родного сына убитой, получить объяснение сам бог велел. – Опер достал из

стола бланк. – Тем более что вы сами к нам пожаловали. – Савельев прихлопнул сверху бланк ладонью.

– погоди, капитан, – поморщился Полуянов. – То, что ты мне про «девятку» и этих двоих рассказывал, – правда? Или это просто «бла-бла-бла»?

– Святая и истинная правда, товарищ спецьальный кр-рыс-пондент. Так что дело это, говоря между нами, – довольно тухлое. Есть у меня такое подозрение. «Висяком» пахнет. Но генерал меня теперь заставит землю рыть. Понял, да?

Глава 3

Тот же день.

20 часов 30 минут

Дима выбрался из кабинета капитана Савельева почти через два часа.

Итогом беседы стало заполненное с обеих сторон «Объяснение». В две странички уместилось жизнеописание и нынешний статут Евгении Станиславовны Полуяновой. Ее сорокалетний непрерывный трудовой врачебный стаж: сперва в ординатуре, затем на «Скорой», после в клинической больнице, а далее банальным участковым терапевтом в различных, самых ординарных, поликлиниках: в одной, второй, третьей... (Так, чтоб было поближе к дому, Димочкиному садику, Димочкиной школе.) Муж, отец Димы, ушел из семьи двадцать пять лет назад, никаких связей Евгения Станиславовна с ним не поддерживала. Других мужчин в ее жизни в последние десять лет не наблюдалось. Из родственников, кроме Димы, имелась только двоюродная сестра. Надо ли писать, что в Димочке мама души не чаяла? Нет, наверное, в протоколе не надо.

Тем не менее запишем, что с сыном, Дмитрием Полуяновым, потерпевшая встречалась два-три раза на неделе. Как правило, дважды приезжала из своих Медведок в Димину квартиру в Орехове-Борисове: готовить обеды. По воскресеньям Дима (если, конечно, бывал свободен) навещал маму в ее доме.

Все прочее безразмерное пенсионерское время Евгения Станиславовна уделяла добыванию продуктов (подешевле), просмотру телевизионных передач, чтению книг. Кроме того, она посещала утренние (благотворительные) сеансы в кино, ходила на выставки (отдавая почему-то предпочтение фотографическим). Бывала и в театрах. Дважды совершила автобусные экскурсии по Европе – осталась премного довольна и благодарна сыну (он за них платил).

Порой Евгения Станиславовна встречалась с подругами. Их у нее оставалось немного. Одна – еще по литературной студии. Две другие подруги Евгении Станиславовны сохранились со славных времен учебы в медицинском. Еще одна подружка – это тетя Рая, или Раечка: медсестра, с которой мама тридцать лет проработала. Ну и еще пара женщин – тоже коллеги по совместным местам работы: одна невропатолог, другая – гинеколог. Вот и все друзья-родственники, товарищ капитан. Ах да – имелся у мамы еще кот Бакс. Жирная наглая тварь. В нем мама души не чаяла. А больше ничего интересного.

Никаких врагов. Никаких разборок. Никаких наездов. Никакого наследства.

– Да, капитан, к сожалению, никакого наследства. Квартиру рыночной стоимостью двадцать тысяч долларов я наследством не считаю. В моих кругах за такой куш не убивают.

– Н-да?.. Ну что ж: прочитайте, Полуянов, ваше объяснение. Напишите: мною прочитано, с моих слов записано верно. На каждой странице проставьте внизу подпись, число.

– Ошибки исправлять можно?

– В моих кругах в документах ошибок не бывает... Можете быть свободны. Давайте пропуск, я отмечу.

– Подвезти тебя, капитан?

– Я сам себя подвезу.

...Дима спустился вниз, на второй этаж.

Капитан Савельев оставил у него сложное впечатление. И генерал Ухваткин – тоже. Наша милиция словно роман Кафки: ты приходишь сюда как ревизор, а вдруг становишься обвиняемым. Мильтон-дружбан в течение получаса неожиданно обращается во врага, а потом снова становится другом... Нет, лучше во всем этом пока не разбираться. Лучше вообще на время выбросить из головы впечатления трех последних дней: морг, кладбище, поминки, кабинет генерала, закуток капитана Савельева... Лучше постараться отвлечься. И – развлечься.

Очень, к примеру, Диме приглянулась девушка в приемной. Та самая прапорщица, что приносила им с генералом чай. Никогда еще в его жизни не случилось женщины в форме. Это возбуждало. И вообще сейчас его нервы, раздрыганные вчерашними похоронами, сегодняшним похмельем и нелепым вечером в ментовке, срочно нуждались в успокоении. А лучшего успокоения, чем «мягкое, женское», он не знал.

Но увы, увы! В резиденции генерала его ждал облом. Приемная оказалась закрыта. Видать, «генерал» убыл, и девушка-прапорщица не стала засиживаться. Дима бесцельно подергал дверь. «Черт! Значит, я ее больше никогда не увижу? Во невезуха! Хотя... Если я очень захочу, то... Телефон-то генерала у меня есть... Значит, когда-нибудь смогу до нее добраться».

Когда-нибудь... Но, увы, не теперь... Дима представил, как прапорщица в сей самый момент в одиночестве едет на метро домой. А потом войдет в пустую квартиру и будет, одинокая, смотреть телевизор. При этом, очень может быть, вспомнит Диму. А он... Он что, тоже должен коротать вечерок у телевизора? Нет уж!

Ладно, пусть не военная, а какая-нибудь женщина требовалась ему не в неопределенном будущем, а сейчас, сегодня же вечером. Даже совсем не обязательно трахаться. Можно просто посидеть, поговорить. Выпить винца. Поиграть в увлекательную игру под названием «флирт»... Очень уж, признаться, генерал Ухваткин и капитан Савельев утомили Диму своей брутальностью.

«Ладно, сейчас сяду в машину – кого-нибудь по мобиле да вызвоню. Не ехать же одному домой и с мохнатой тварью, моим новым сожителем, обжиматься».

* * *

Дима отъехал метров пятьсот от управления. Рядом с этим зданием не хотелось говорить – даже по личному мобильному телефону, даже внутри личной машины. Набрал номер первой девушки. «Абонент не отвечает или временно недоступен...» Выбрал следующую – опять облом: «Кати нет дома... Что ей передать?..»

Ладно. Номер третий. «Ах, ты болеешь?.. Хочешь, я приеду? Привезу апельсинового сока? И еще: я великолепно ставлю горчишки... Ах, тебе совсем плохо? В следующий раз? Ну, как скажешь...»

Кто еще? Девушки-друзья? Татьяна Садовникова? Наташа Нарышкина? Нет, совсем неохота видаться и говорить с дамами-друзьями, выслушивать их соболезнования...

Вот так. Москва раскинулась всеми своими огнями, переживает вечер. Девять миллионов жителей плюс четыре миллиона приезжих. Как минимум – один миллион женщин, в принципе достойных внимания. И сто тысяч дам, достойных самого пристального внимания. А ему – скоротать вечерок не с кем. Не везет так не везет.

И вдруг подумалось Диме: кто бы теперь в его жизни ни появился, какая бы неземная любовь ни пришла – все равно ни одна женщина на свете не будет радоваться его приходу домой так безоглядно и бескорыстно, как мама.

Дима постарался отогнать эту мысль. Слишком тяжело от нее стало.

И тут телефон, который он по-прежнему держал в руке, зазвонил сам собой. Дима глянул на определитель: вместо номера – прочерки, кажется, звонят из автомата. Нажал на «прием».

– Дима? – раздался в трубке напряженный девичий голос.

– Да. Слушаю внимательно.

– Это Надя.

«Девушка? На ловца и зверь бежит? – пронеслось в голове. – Но я не знаю никакой Нади! И голос незнаком. Может, это та, из Ялты? Но той Наде я телефон свой не оставлял. Тем более мобильный...»

– Дима, извините, что я звоню. – Голос совсем не кокетливый и как бы официальный. Таким из вендиспансера звонят. – Вы вчера мне свой телефончик оставили, помните?

Ничего он такого не помнил. Поэтому промолчал. Хотя вчера на маминых поминках была какая-то деваха. Может, и Надя.

– Дима, я тети Раи дочка. Подруги вашей мамы, медсестры. Мы с вами, когда я была маленькой, много встречались. И вчера тоже виделись.

– Ох, что ты раньше-то не сказала! – с преувеличенным радушием воскликнул Дима. В башке (может, потому, что настрой был соответствующий) мгновенно пронеслись, как американцы говорят, pick-up chances. Да, была вчера на поминках Надя. Молчаливая тихоня. Плотненькая такая. Очень грудастая и очень серьезная. И положительная. Не в Димином вкусе. Такую разик поцелуешь – глядь, а она тебя уже в загс ведет. Зачем же он ей вчера номер своей мобилы дал? Совсем, что ли, пьяный был?

– Дима, я вам звоню, потому что вы журналист, – продолжила напряженным голосом Надя. – Может, у вас есть знакомые в Институте Склифосовского?

– А что случилось?

– Здесь моя мама.

– Тетя Рая?!

– Да.

Тетю Раю Дима помнил отлично. Еще с младенчества. И любил ее. Веселая, шумная и простая тетка. Но, позвольте, она же была вчера на похоронах! И молча держала Диму за руку, и он был благодарен ей за это...

- Что случилось?

- Ее машина сбила.

- Что?!

Надя решила, что он не расслышал, повторила покорно:

- Ее сбила машина.

- Что ж ты раньше-то молчала! Что с мамой?!

- Меня к ней даже не пускают. Говорят, состояние очень тяжелое.

- Ты где, Надя?

- Я из автомата звоню.

- Откуда, я спрашиваю?!

- Снизу, из вестибюля Склифосовского.

- Главный корпус? Большой такой, стеклянный?

- Да.

- Я сейчас приеду.

- Я в «сочетанной травме» буду. На шестом этаже.

- Еду. Жди, Надя.

Дима завел авто и с пробуксовочкой, с визгом шин вырулил на проезжую часть, в сторону центра. «Пристегните ремни, – пробормотал он сквозь зубы самому себе, – сейчас будем летать».

* * *

Дима.

Тот же вечер.

23 часа 50 минут

Вот не ждал Полуянов, что вечер он закончит в больнице!.. Склифосовский вытеснил все предыдущие впечатления бестолкового, раздрызганного дня – несмотря на то что Дима в больнице провел всего два часа.

От Первого Северного окружного управления милиции, с улицы Адмирала Макарова, он помчался к Сухаревке. И дороги вроде были меньше забиты, чем днем. И выбрал Дима «левый» маршрут, избегая проспектов, ехал огородами. И вел авто активно: подрезал попутные, проскакивал на желтый, на встречную выезжал. А все равно: до Склифа (всего километров десять, если по прямой) он добирался целый час.

По пути думал, какие знакомства можно задействовать, чтобы помочь тете Рае. Бывало: заводили Диму в Склифосовского большие журналистские дороги. Имелись у него там знакомцы. Доктор Гусев, например, – зав. отделением. И дважды доктор (по профессии и ученому званию) Вахтанг Георгиевич. Беда только, что первый отделением лечебной физкультуры заведовал. А второй работал в отделении нейрохирургии. Как-то не по теме. Во всяком случае, пока не по теме. (Будем надеяться, что тетя Рая пойдет на поправку и когда-нибудь ей пригодится лечебная физкультура. А нейрохирургия не понадобится вовсе.) Димочка мог, конечно, прямо с дороги позвонить домой и одному доктору, и второму. Номера их телефонов имеются в безразмерной памяти мобилы. Плевать, что ночь. Они же врачи. Не отказали бы – помогли спецкору всероссийской молодежи. Однако, решил Дима, незачем спешить. «Будем действовать по обстановке. Порой шоколадка для медсестры бывает полезней, чем «тонна» баксов для главврача».

Бессонная, по-советски уродливая громада Склифа возвышалась над прилегающим районом. Несмотря на позднее время, окна горят неоновым белым или ярко-синим светом.

Дима загнал авто на стоянку.

Через охрану он прорвался, потряся коленкоровыми корочками «Молодежных вестей». Прошел к лифтам.

Что за печальный интерьер в главном госпитале российской экстремальной медицины! Линолеум – волнами. Полутемные коридоры. Убогие лифты. Все время встречаешь озабоченных толстых женщин южных кровей. Они в черном, громко переговариваются на гортанных наречиях. Расхаживают «бойцы» в кожанках. То ли охраняют кого, то ли навещают. А может, собственные старые раны долечивают. А вот врачей и сестричек не видать.

Надю Дима заметил в коридоре шестого этажа. Она стояла к нему спиной, смотрела в окно. Хоть он ее видел, считай, один раз во взрослой жизни, все равно сразу узнал. Издалека. Печальная спина. Горестные плечи. Всмотривается куда-то в уличную темноту. Его, Диму, что ли, с такой надеждой ждет?

Подошел, положил ей руку на плечо. «Ой!» – она дернулась, испуганно обернулась. Узнала, воскликнула удивленно-радостно: «Дима, это вы!» – и рванулась обнять его, прислониться к его плечу – да спохватилась, остановила саму себя на полудвижении...

Косметика чуть смазана. Глаза припухшие. Смотрит на Диму снизу вверх: во взгляде горечь и надежда.

– Как мама?

– Меня к ней не пускают. Была операция. А сейчас она в реанимации. В отделение могут перевести только завтра.

– Что врачи говорят?

– Что состояние тяжелое. Она без сознания.

– И это все, что они говорят?

– Сказали: у нее множественные переломы ребер. Кажется, еще и таза. Внутренние кровоизлияния. Сотрясение мозга.

На глазах Нади выступили слезы.

– Кто дежурный врач? – продолжил наседать Дима.

– Я... я не знаю... Женщина какая-то, – растерянно пробормотала Надя.

«Ох, овца ты, овца!..» – чуть не выругал ее Дмитрий вслух. Но вместо этого проговорил:

– Ладно, жди здесь. Я все узнаю.

Потом он долго искал дежурную врачиху. Она, оказывается, в ординаторской пила чай с тортиком. На столе стояла початая бутылка коньяку.

– Что вы хотите? – не слишком ласково она встала к нему навстречу. Тут же в кармашек ее халата перекочевала из Диминой руки стодолларовая купюра. Врачиха скосила глаза на перелет банкноты. Ничего не сказала, но стала явно любезней.

Потом был долгий рассказ о состоянии больной Митрофановой, уснащенный множеством медицинских терминов. По их обилию, а скорее по сочувственному выражению лица докторицы Дима понял: дела тети Раи, кажется, дрянь.

В конце беседы он прямо спросил:

– Она выживет?

Врачиха проговорила стандартное:

– Мы делаем все возможное.

– И все-таки?

- А кто вы ей? - любопытствовала в свою очередь женщина.

- Зять, - соврал Дима. - Будущий зять.

- А дочка-то ее здесь?

- Да.

- Знаете что, будущий зять: забирайте-ка вы свою... свою невесту и поезжайте домой. Ни врачам, ни самой больной вы сейчас ничем помочь не можете. Только сами измучаетесь. А завтра с утра ситуация, возможно, прояснится.

- Так есть надежда?

- Все в руках божьих. А надежда - она всегда есть.

В коридор к Наде Димочка вышел с непрошенной мыслью: «Кажется, мне предстоят еще одни похороны». Вслух, конечно, сказал девушке совсем иное:

- Поедем-ка отсюда. Врачи говорят: все будет хорошо.

- Правда? - просияла Надя.

* * *

Дима.

Та же ночь.

02 часа 35 минут

Он думал: ни за что не заснет в незнакомой постели. А только смежил веки - сразу провалился в глубокую и длинную угольную шахту. И ему ничто не снилось.

...Хотя сниться могло многое. Когда они с Надей вышли на ступеньки Склифа, во влажный воздух осенней Москвы, Дима вдруг почувствовал дичайший голодный спазм. Он вспомнил, что не обедал – не говоря уже об ужине.

– Я отвезу тебя, – сказал он Наде. – Только давай сначала куда-нибудь заедем перекусим. В какой-нибудь ночной фаст-фуд. Есть хочу – сейчас протекторы начну глотать.

Надя улыбнулась. После лживых вестей, что принес Дима от врачихи, ее настроение явно улучшилось.

– Извини, я, наверное, твои планы на вечер нарушила, – проговорила Надя.

– О чем ты? Знаешь, для тети Раи я готов хоть неделю голодать.

– А зачем нам куда-то в фаст-фуды заезжать? – почти весело сказала Надя. – Я тебя у нас дома покормлю. У нас сегодня на ужин «паста болоньезе». Мы с мамой приготовили...

Вдруг она осеклась и стала краснеть. Сперва покраснели щеки. Потом шея, лоб... Затем она вся залилась мучительным, почти багровым румянцем. С трудом проговорила:

– Я ничего такого не имела в виду. Я хотела сказать: именно поесть.

– Ну что ты, Надя, – ласково произнес Дима. Его растрогала ее несовременная застенчивость. – Я все понял правильно. Когда говорят «поесть», это действительно значит «поесть». Погнали. Чтоб я когда от «пасты болоньезе» отказался!..

По пути Надя, глядя в сторону, начала в полутьме машины (только встречные фары, редкие фонари) рассказывать ему, как дело было.

– Мама пошла с Родионом гулять...

– Кто это – Родион?

- Такса наша. Мальчик.

- А-а.

- А потом вдруг соседка прибегает. Надя, кричит, твою маму машина задавила. Я к окну. А у нас одно окно на дорогу выходит. А мама... - Голос Нади вдруг сорвался. - Она на асфальте лежит.

- А Родион? - вдруг спросил Дима.

- Что - Родион? - не поняла она.

- Он-то как?

- У него все нормально, - улыбнулась она сквозь слезы. - Он дома. Нас ждет. То есть... - Она опять покраснела. - То есть меня.

- Там у меня в «бардачке» есть салфетки. Если надо, бери.

- Да, спасибо. - Она отыскала в перчаточном ящике салфетку, высморкалась в нее. Другой вытерла слезы. Скомкала бумагу, но на дорогу в окошко выбрасывать не стала. И в машине не бросила. Сунула в собственную сумочку. Почему-то это ужасно понравилось Диме. Нервы его после длинного, похмельного, странного дня были напряжены до чрезвычайности. В таком состоянии он обостренно замечал самые незначительные детали (и порой умилялся им).

- Скажи, - осторожно спросил Дима, - а кто твою маму сбил?

- Я не знаю.

- Машина не остановилась?!

- Нет.

- А милицию вызывали?

- Я не знаю.

- Не знаешь?!

- Ну, понимаешь, Дима, я же мамой занималась! В «Скорую» звонила. Слава богу, что они быстро приехали. Всего минут через десять. И сразу – сюда. В смысле – в Склиф. Я тоже вместе с мамой поехала.

- Она в сознании была?

- Нет. Только дышала тяжело.

- Ну, а ты не слышала, что соседи говорили: кто ее сбил?

- Слышала. Краем уха.

- Ну?

- Говорили, что какая-то иномарка. Или «Жигули», ну, новые какие-то, которые не квадратные...

- Какая иномарка? Какие «Жигули»? Модель? Цвет?

- Не знаю я, Дима. Я же говорю: я сразу в больницу поехала.

Еще пару минут они проехали в молчании. Езда по ночным московским проспектам – совсем не та, что дневная: лети себе по темной дороге. Только к антирадару прислушивайся. И посматривай, чтобы не выбежал под колеса пешеход: в октябре, когда ночи темны, но снег еще не выпал, люди на дороге особо неприметны.

- Значит, водила, сволочь, не остановился... – задумчиво проговорил Дима. – Надя, я, пожалуй, у тебя ночевать останусь. – И скопил на нее глаза: покраснеет или нет.

Она куснула губу, бросила на него удивленный взгляд – и опять начала краснеть. Дима, наслаждаясь произведенным эффектом, проговорил:

– Я на твою честь покушаться не собираюсь. – Она гневно дернула подбородком. – Я хочу соседей твоих расспросить. Вызывали на происшествие милицию или нет. И какая машина твою маму сбила. Как выглядела, с какой скоростью ехала... Но сейчас, – он указал пальцем на кругленькие часы на панели «шестерки», – час ночи. Если я пойду с расспросами сегодня, соседи твои меня пошлют. И будут правы. Ну а завтра с утра я с ними потолкую.

– Ты что, – с оттенком восхищения проговорила Надя, – хочешь сам найти этого урода-водителя?

– Возможно. А еще я хочу понять: случайное ли это совпадение. Пять дней назад какие-то подонки убили мою мать. А сегодня покушались на твою.

– Покушались? Ты правда думаешь, что на мою маму – покушались?

Дима только плечами пожал:

– А кто его знает?

...Вот таким образом Дима оказался в квартире Нади и тети Раи Митрофановых. Они с Надей поели «пасты болоньезе», Дима с огромным удовольствием выпил бутылку темной «Балтики». Затем Надя постелила ему свежее накрахмаленное белье – в комнате тети Раи. Дима разделся до трусов, рухнул и прокричал на кухню Наде:

– Будильник мне на девять поставь!

– Зачем так рано? – спросила через стенку она.

– Главному нашему буду звонить, что я на работу не выйду!

Надя хотела поинтересоваться, не будет ли ему чего за прогул? И правда ли, что у журналистов такой свободный режим? Потом решила спросить, а нужно ли ему, чтобы она его сопровождала, когда он по ее соседям пойдет. И будет ли он

звонить в милицию? Через стенку все это спрашивать было неудобно, и она вошла в комнату, где пахло мамой, а в постели при свете ночника лежал почти совсем незнакомый и довольно-таки красивый мужчина. Она открыла рот, чтобы задать первый вопрос, – но... Но Дима уже спал.

Надя тихонько подошла к кровати и погасила ему ночник. Он даже не пошевелился.

* * *

Надя.

На следующий день,

9 часов 15 минут

Дима вышел на кухню заспанный, всклокоченный, в одних трусах.

Он что, ее, Надю, не стесняется совсем? Как рабыню какую-то?

Просипел:

– Извини. Где у тебя тут кофе? Без него я – труп.

– Есть только растворимый, – сказала она виновато и обиженно. Диме было не до нюансов ее настроения. Он чуть не вырвал из рук банку «Нескафе классик». Всыпал себе в чашку целых три ложки («Да он наркоман кофейный!»). Залил кипятком, сахару бухнул. Размешал, стал пить прямо стоя. Надя в сердцах вышла из кухни. Фигуру полуобнаженного Димы меж тем поневоле разглядеть успела. Ничего не скажешь, хорошая фигура. Ножки стройные. И попа тоже. Плечевой пояс развитый: широкий, надежный.

Спустя три минуты Дима (уже в брюках, но по-прежнему голый по пояс) показался на пороге ее комнаты. Кофе действительно оказал на него животворное воздействие. Черты лица разгладились. Взгляд стал осмысленным. И голос прорезался:

- Надь, у тебя бритва есть?

- Не-ет, - потрясла она головой.

- А чем же я бриться буду?

- Можно один день и не побриться, - слегка огрызнулась она. - Сейчас это модно.

- Нет, старушка. Бритье - это ежеутренний ритуал. Если я небрит, это означает, что я не контролирую ситуацию. Такое, извини, со мной всего дважды в жизни было.

Надя не стала спрашивать, что это за два необыкновенных случая (хотя такого вопроса он явно ждал), только буркнула в ответ:

- Ну, будет третий раз.

- Не. Я хочу владеть ситуацией. Я даже в окопах за собой следил.

- Ну, и чем я тебе могу помочь?

- А ты что, ноги не бреешь?

Она почувствовала, как лицо ее против воли опять стала заливать краска. Проклятый румянец!

Она тихо проговорила:

- Брею.

Вот за это ее современные мужики и не любят! За то, что она - ужасно правдива и совсем не кокетлива. И не умеет острым словцом поставить хама на место. И - развернуть ситуацию в свою пользу.

– Ну так давай мне этот свой дамский «Жиллетт»! – радостно воскликнул Дима. – Розовенький, наверное? Или голубенький? – Он, кажется, наслаждался тем, что опять смутил ее. – И еще полотенце давай с шампунем. У тебя, кстати, в ванной курить можно?

Пока Дима долго, вдумчиво плескался в ванной, Надя, словно в отместку за его хамство, пошла на преступление: обследовала карманы его куртки.

Там имелось: очень внушительное удостоверение с большими буквами, золотыми на красном: ПРЕССА, а на оборотной стороне: МОЛОДЕЖНЫЕ ВЕСТИ.

Удостоверение было выдано на имя Дмитрия Полуянова в тысяча девятьсот девяносто пятом году, а должность Димы называлась разъездной корреспондент при секретариате. Кроме того, во внутреннем кармане куртки вперемешку лежали: маленький диктофончик «Сони», водительские права (шоферский стаж – целых одиннадцать лет) и документы на автомобиль «ВАЗ-21063». И еще – паспорт. Надя немедленно пролистала его. Дмитрий Сергеевич Полуянов, русский, родился в тысяча девятьсот семьдесят третьем году в городе Ленинграде. Не женат. Детей нет. Она быстренько сунула документы на место.

В другом кармане имелся красивый кожаный бумажник «Петек» (внутри его она не посмела полезть). А еще, россыпью, – пять презервативов компании «Дюрекс». Зачем ему так много?

* * *

После того как Дима закончил водные процедуры, он вытребовал телефон. Устроился с ним на кухне. Налил себе еще кофе. Принялся названивать и прихлебывать.

Надя волей-неволей слышала из своей комнаты его разговоры. Сперва он позвонил (как поняла Надежда) своему начальнику – главному редактору газеты. Разговаривал Дима с ним, на взгляд Нади, чересчур независимо (если не сказать – по-хамски). Сказал, что на работу сегодня не придет – оттого, что вышел на «шикарную тему» и у него, видите ли, «назначено полно встреч». (Своей начальнице в библиотеку Надя позвонила и отпросилась уже давно, сразу как проснулась. О несчастье с мамой не сказала.)

Далее Дима приглашал к телефону какого-то Вахтанга Георгиевича (видимо, врача) и у того просил содействия в судьбе «Раисы Митрофановой, которая у вас лежит в Склифе в «сочетанной травме». Просил перезвонить, оставил свой мобильный номер. Затем с абсолютно такой же просьбой обратился к некоему доктору Гусеву. (Надя сегодня первым делом, как проснулась, позвонила по справочной Склифа, и ей равнодушным голосом сказали, что состояние мамы тяжелое.) Затем Дима принялся названивать разным людям – кажется, официальным и незнакомым ему. Все выспрашивал у них о дорожно-транспортном происшествии на Северодвинской улице. Его, кажется, повсюду посылали – потому что Дима, когда клал трубку, комментировал свои неудачливые звонки короткими репликами: «С-собаки!.. С-скоты!» И даже дурашливым: «Президенту напишу!» Потом он позвонил, видимо, своему знакомому – из числа милицейских работников. С ним он говорил заискивающе. Умолял узнать все, что можно, о «ДТП на Северодвинской».

А затем ему позвонили на мобильник. Надя сразу поняла: кто-то из докторов из Склифа. Усидеть в своей комнате она не смогла, выскочила на кухню. Стояла и смотрела на Диму. Пыталась по его лицу понять, что говорят о маме. Однако лицо журналиста было непроницаемым – как у Леонардо Ди Каприо, когда тот в «Титанике» в покер играл.

Наконец Дима положил трубку (ожидание было мучительным). Объявил, глядя в сторону:

– Маме твоей легче. Но она по-прежнему без сознания. Все, что надо, у врачей есть. Тебя к ней все равно пока не пустят. Может, потом дадут возможность навестить. Я тебя тогда отвезу в Склиф. Вот такие дела... А сейчас... Пошли, Надежда, м-м, батьковна, по соседям. Будем собирать показания.

* * *

Они поднялись на седьмой этаж к Ефимовне, которая все всегда про всех в доме знает – однако едва Надя представила молодого человека соседке, как тому позвонили на мобильник. Дима (воистину человек без комплексов) без приглашения прошел в комнату к Ефимовне. Спасибо, хоть ботинки снял. О чем говорил по своей трубке, непонятно, только гукал. Может, по делу – а может, ему девушка звонила.

Ефимовна успела зорко оглядеть парня, с коим пожаловала Надежда, а затем жарко набросилась на Надю с расспросами: что мама, где лежит да как себя чувствует. Она и на половину вопросов не ответила, как в коридоре появился Дмитрий. Он пробурчал Наде:

– Собирайся. – Ефимовне сказал гораздо вежливей: – Извините, пожалуйста, что мы вас побеспокоили. – И снова Наде: – Опрос свидетелей отменяется.

Что оставалось делать Надежде? Только попрощаться, как дура, с Ефимовной, неудовлетворенной скудной информацией, и вывалиться вслед за Димой в подъезд. Здесь уж она спросила сердито:

– Ну? Что опять случилось?

Журналист ответил не сразу. Выдержал «мхатовскую» паузу, затем буркнул:

– Менты нашли машину, которая сбила твою маму.

– И?..

– Ее бросили, понимаешь? А за десять часов до... до преступления – угнали.

Надя не очень поняла, что он сказал, переспросила:

– А водитель?

Дима терпеливо сказал:

– Повторяю еще раз. Вчера утром у некоего человека от офиса был угнан автомобиль «ВАЗ-2110» серого цвета. Примерно в двенадцать дня этот человек заявил о совершенном угоне в ГИБДД, а затем написал о сем происшествии заявление в милицию. А около девятнадцати часов вчерашнего дня данный автомобиль явился, судя по всему, виновником дорожно-транспортного происшествия. Характер повреждений кузова автомобиля, а также следы крови на лобовом стекле свидетельствуют, что он совершил наезд на человека. Данный автомобиль, объявленный в розыск еще днем, экипаж патрульной службы обнаружил около двух часов сегодняшней ночи во дворе дома номер

двадцать по улице Малыгина...

- Это же от нас два шага! - ахнула Надя.

Они уже спустились к ней на этаж, и Надежда открывала дверь.

- Вот именно, - мрачно сказал Дима. - Видишь, что получается: вчера днем кто-то угнал «десятку». Вечером этот «кто-то» сбил на улице твою маму. А потом бросил сие «паленое» авто...

- А может... Может, маму сбил сам хозяин «десятки»?

Дима посмотрел на нее снисходительно. Саркастично произнес:

- Ага. Хозяин «десятки» - пенсионер семидесяти лет, полковник запаса. Значит, он откуда-то заранее знал, что вечером собьет тетю Раю, поэтому днем объявил свою собственную машину в розыск.

Надя поняла, что сморозила не то, и убежденно сказала:

- Значит, пацаны. Какие же сволочи. Украли машину. А ездить не умеют, вот и сшибли маму...

- Да, наверно, пацаны, - сказал Дима и нахмурился.

- Где же их искать?

- Понятия не имею, - буркнул Полуянов.

Они уже стояли в тесном коридорчике Надиной квартиры. Журналист скривил губу и произнес:

- Знаешь что? Одевайся-ка ты, и поедem. Я подкину тебя до Склифа. А сам... Сам - домой. У меня там кот некормленный сидит. И еще вот чего. Дай-ка мне записные книжки твоей мамы.

– Зачем?

– Дай. Я тебе потом все объясню.

* * *

Надя.

Тот же день,

12 часов 20 минут

Она вышла из подъезда, когда Дима уже прогрел свою красную машину. Сидел за рулем, хмурился. Выйти и открыть перед ней дверцу даже не подумал. «Вот такие они, современные мужики. Пусть и самые лучшие».

Когда Надя уселась на переднее пассажирское сиденье, Дима, однако, не поспешил трогаться. Он достал из внутреннего кармана куртки бумажник (тот самый, что она видела, – кожаный «Петек»). Вытащил из него стодолларовую купюру. Сказал:

– Будешь в Склифе, найдешь заведующего отделением – того отделения, где мама лежит. Сунешь ему (или ей) вот эту бумажку. Знакомства – это, конечно, хорошо, а прямая подкормка – лучше...

Надя отчаянно замотала головой:

– Я не умею! И потом это неудобно!..

– Неудобно трахаться на лыжах в гамаке.

Надя покраснела, выкрикнула:

– Почему я должна брать у тебя эти деньги?!

– Потому что у тебя их нет. И еще потому, что мама твоя, тетя Рая, меня из школы забирала. И обедами кормила. И читала мне «Таинственный остров». Я, знаешь ли, это хорошо помню...

– Я не возьму никаких денег!

– Слушай, Митрофанова, не зли меня. Ты что это? Вынуждаешь меня самому опять идти в Склиф? И искать заведованием, и беседовать с ним?.. А у меня дома – кот, скотина такая, без пищи страдает. Ты-то своего Родиона уже два раза кормила!

Аргумент насчет Родиона оказался убедительным. Надя примолкла. Дима положил зеленую бумажку поверх ее сумочки, торопливо включил передачу и выехал со двора.

Спустя минут десять, когда они уже ехали по улице Летчика Бабушкина, вдоль длинных трамвайных путей, Надя, все это время молчавшая, хмурившаяся, закусывающая губу, наконец спрятала деньги в сумку. Вздохнула, тихо проговорила:

– Я тебе их обязательно отдам.

– Я не сомневаюсь, – немедленно откликнулся Дима.

Спустя еще пять минут они уткнулись в пробку на выезде на проспект Мира. Журналист произнес, к Наде вовсе не обращаясь, словно бы сам с собой:

– Мою маму убили пять дней назад. На твою покушались – вчера. Странное какое-то совпадение по времени.

– Странное, – глухо проговорила Надя.

– И чем-то ведь покушения похожи. И в случае с мамой, и в случае с тетей Раей имели место автомобили.

– И с твоей... твоей, – Надя отчаянно засмущалась, – мамой разве тоже был автомобиль?

Дима неохотно ответил:

- Менты говорят, свидетели видели: из подъезда, сразу после убийства, вышли двое. Их ждала машина с включенным движком. Но ты только не болтай об этом, ради бога!

- Я никогда не болтаю, - огрызнулась она.

Дима кивнул и продолжил:

- И тогда, и теперь преступления кажутся вроде бы такими простыми-простыми!.. Очень простыми - да концов не найдешь.

- Ты думаешь, их обеих специально пытались убить? - Надя глянула на Диму: он сидел за рулем нахмуренный, сосредоточенный.

- Да, пытались... А мою маму даже убили... Но кому, спрашивается, нужно убивать двух пенсионерок? Кому они, старушки, могут помешать?

- Может, наследство? - робко предположила Надя.

- От кого? У моей мамани на книжке осталось шестнадцать рублей девяносто копеек. Может, у твоей есть золото-бриллианты?

- Боюсь, что нет, - через силу усмехнулась она.

- Тем более что я - единственный, кажется, наследник своей мамы. А ты - если не дай бог что случится - у своей единственная наследница?

- Наверное, - пожала плечами Надя. Она и краешком думать не хотела о том, что «не дай бог что случится».

- Значит, - цинично усмехнулся Полуянов, - убрать старушек выгодно прежде всего - кому? Мне и тебе. А что, замечательный сюжет. Я в Амстердаме, у меня стопроцентное алиби - а ты в это время убиваешь мою маманю. А потом я краду машину и сбиваю твою мать. А потом мы с тобой наследуем шестнадцать рублей

девянносто копеек и две квартиры. И живем в них, поживаем, добра наживаем...

- Слушай, прекрати юродствовать, а? - с неожиданной для нее твердостью сказала Надя. - Заткнись. Пожалуйста.

Дима искоса глянул на нее, излишне резко рванул со светофора и тихо произнес:

- Извини.

Еще десять минут они проехали в молчании, а потом Надя сказала:

- Они же очень долго, твоя мама и моя, работали вместе. Вдруг они были свидетельницами какого-то преступления? А сейчас их пытаются убрать...

- Угу, - усмехнулся Дима. - Они не работают вместе уже чертову тучу лет. И все эти годы убирать их никто не пытался. А теперь вдруг они кому-то помешали.

- Может, шантаж?

- С чьей стороны?.. Эй, подруга! - Дима обернул к ней изумленное лицо. - Ты что, представляешь себе мою мать в роли шантажистки? Или - свою?

- Да, я как-то не подумала... - пробормотала она, отвернувшись к окошку. Справа тянулись сталинские дома. У метро «Проспект Мира» всю торговали цветами. - Извини, - добавила Надя.

- Может быть, произошло другое, - сказал Дима. - Они обе стали свидетельницами преступления - сейчас. И этим кому-то помешали. Очень помешали.

Они уже подъезжали к повороту с проспекта Мира налево, в переулок. Отсюда до нового корпуса Склифа рукой подать. Наде нравилось, как Дима ведет машину. Вроде бы никуда не спешит, а получается быстро.

- Знаешь, Надечка, - проговорил Дима, когда они стояли в длинном ряду машин, ожидающих левого поворота, - ты подумай, пожалуйста: когда наши мамы друг с другом в последнее время видались? Где бывали? Что делали?.. И я тоже

вокруг этого подумаю...

Загорелась зеленая стрелка, они свернули налево. Потом поблуждали по дворам. Наконец Полуянов остановил машину в одном из дворов в непосредственной близости от Института Склифосовского. Выключил мотор.

- Знаешь, - сказал он, повернувшись к Наде и внимательно изучая ее лицо, - что-то мы с тобой заигрались в Шерлоков Холмсов. А тебе сейчас лучше поиграть в доктора Айболита.

- А тебе? - слабо улыбнулась она.

- А мне - в дедушку Дурова. Кота поеду дрессировать. - Он потянулся к ней и легко, по-дружески поцеловал в щеку. - Давай, дорогая. Тете Раечке привет. Звони мне обязательно, как у нее дела. На трубу брякай или домой, или на работу - куда хочешь. И я тебе буду звонить.

- До свиданья, Дима. Спасибо тебе за все. И... И деньги я обязательно верну.

- Забудь об этом, - досадливо проговорил он.

Она выбралась из машины, сделала пару шагов к больничному корпусу. Потом обернулась.

Дима разворачивал машину в тесном дворике. В ее сторону ни разу даже не посмотрел.

Глава 4

Дима.

В тот же день

Дима накормил кота и заварил себе крепчайшего чаю – две ложки на стакан. Есть совершенно не хотелось. Подумал: не выпить ли коньку? Решил: лучше не пить.

Чай безо всякого спиртного привел мозги в порядок. Вчерашний суматошный день (плавно перешедший в суматошный сегодняшней) словно бы остался за порогом квартиры. Собственное жилье располагало Диму к уединению и размышлениям.

Дима перешел из кухни в единственную комнату и улегся на диван. Кот прошествовал мимо, посмотрел на нового хозяина скептически.

«Сдается мне, что два покушения – на маму и на тетю Раю – между собою связаны, – подумал Дима, устраиваясь поудобней на диване. – И что же дальше? А далее... Далее, господа, мы имеем два множества людей. Первое из них – знакомые и друзья мамы. Второе – близкие тети Раи. Эти два множества пересекаются. То есть имеются знакомые мамы, которые одновременно являются знакомыми тети Раи. И если два покушения связаны, то, возможно, именно среди тех людей, которых знали обе женщины, следует искать убийцу. Или человека, который что-то знает об убийстве».

Дима перевернулся на другой бок. «Ай да я! Что за безупречное логическое построение! Почему я математиком не стал? У меня по алгебре одни пятерки были... Но... Но мама всегда хотела, чтоб я стал журналистом. Не врачом, заметьте, а именно журналистом. Она свои нереализованные мечты во мне воплощала. Сколько себя помню, вечно она чего-то писала. Дневники, письма, et cetera...»

Острая душевная боль при воспоминании о маме пронзила его. Усилием воли он отогнал ее. Она мешала ему сейчас.

«И мама оказалась права. Спасибо тебе, мамочка. Нет интересней профессии, чем журналистика. Особенно по молодости... Но... Что там все-таки с нашим множеством общих знакомых? Итак. Мыслим строго и логично. Множество знакомых моей мамы имеет отображение в ее записной книжке. А множество знакомых тети Раи – в ее. Поэтому: будем искать пересечение двух множеств. Будем искать фамилии, совпадающие в обеих книжках».

Дима встал с дивана. Взял лист бумаги, ручку и две записные книжки – мамину и тети Раи. Снова лег. Положил их рядом с собой. Мамина книжка была старой, разлохмаченной. Имена и телефоны записаны разными чернилами: то синими, то черными, то зелеными. Некоторые номера вычеркнуты, а поверх вписаны новые. Кое-где из-за нехватки места вклеены новые листочки. Записная книжка тети Раи представляла собой полную противоположность. Новенькие, чистенькие листочки. Неизменно аккуратный, щегольской почерк старательной хорошистки. Всего по паре-тройке телефонов на каждую букву.

Дима развернул каждую из книжек на букву А. В маминой на первом листике значились «Аэрофлот, справочная» и «Аэрофлот, международная», а также: Олег Ахмалетдинов, Акопов Александр, Ахмедуева, Анисимова, Апресян, Алешина и, непонятно зачем, АЗЛК.

В аккуратной книжечке тети Раи на букву А имелись только Антонова и Афонин.

Ни одного совпадения.

Дима перевернул листочки и вздохнул.

Ему предстояла скрупулезная, кропотливая работа.

* * *

Надя.

То же самое время

В коридоре было тихо. Ни больных, ни докторов. Только вдалеке санитарка ожесточенно намывала пол. «Вот и хорошо, что никого нет, – подумалось Наде. – Пройду тихонько в мамину палату. Посажу около нее. А вдруг она уже очнулась?»

Когда Надя проходила мимо поста, ее окликнула медсестра:

– Эй, девушка, вы к кому?

- К Митрофановой. В восьмую палату.

Медсестра посмотрела на Надю внимательно, потом сказала:

- Подождите секундочку.

Выскочила из-за своего стола и умчалась, чуть не бегом. Только полы халата развевались. Надя заметила, что сестричка примерно ее возраста, и еще - она, кажется, чем-то напугана. Нехорошее предчувствие кольнуло в сердце.

Через пару минут к Наде подошел молодой доктор. На ходу он вытирал губы платком. Медсестра следовала за ним на три шага сзади.

- Вы к Митрофановой? - строго спросил врач.

- Да, - пролепетала Надя.

- А кто вы ей?

- Я ее дочь.

- Дочь... - протянул он. - А зовут вас?..

- Надя. Надя Митрофанова.

- Мне очень жаль, Надя... - проговорил доктор, глядя в сторону. А медсестра, наоборот, жадно всматривалась в лицо Нади. - Мне очень жаль, - повторил врач, - но мама ваша скончалась. Сегодня, в половине первого дня.

Надя молчала. Она не понимала ничего.

- Поверьте, мы делали все возможное, - продолжил врач. - Но... Но характер и тяжесть травм, которые она получила, оказались несовместимы с жизнью...

Надя вдруг почувствовала, что куда-то уплывает. Так однажды было с ней в Сочи - давно. Когда она очнулась, рядом с ней сидела тогда мама, отирала ей лоб

ледяным платком и говорила: «Это солнечный удар, дочка, солнечный удар...»

- Надя! - тут резко прикрикнул на нее доктор.

- Да? - безвольно отозвалась она.

- Мама ваша не страдала, - проговорил врач. - И в сознание не приходила. Она умерла спокойно... Лена! - рявкнул врач, обращаясь теперь к медсестре. - Стул принеси! И спиритус аммони[1 - Нашатырный спирт (лат.)].

* * *

То же самое время

Какое странное задание. Можно даже сказать - забавное. Семь человек. По нарастающей, один сложнее другого. Номер два пребывал в Латинской Америке. Командировку туда Седов счел нецелесообразной. Тем более что номер два ожидался прибытием через четыре дня. Номер три - перешел на нелегальное положение, его местонахождение выяснялось.

Хорошо б еще, чтобы он сам, Седов, понимал, а чем они, все семеро, между собой связаны... Не очень-то приятно играть втемную. Играть практически за болвана.

Даже за такие большие бабки - все равно такая игра неприятна. И опасна.

Но не спрашивать же хозяина: а в чем дело? За что ему платят так не кисло? Отчасти - за высокий профессионализм. И за то, что у него никогда, тьфу-тьфу, не было сбоев. А еще потому, что он никогда не задает вопросов. (И уж тем более - никому и никогда не даст ответов - если его вдруг начнут спрашивать.)

А понять - все равно было бы интересно. Может, если он поймет, он сумеет сыграть в свою игру? Или однажды просто намекнет хозяину: я, мол, знаю, что к чему. И благодаря этому увеличит сумму? Получит больше денег.

Да, больше денег... Или - пулю в затылок.

Как было заведено в условиях связи, он остановил машину у случайного, неприкаянного автомата на обочине. Вышел из авто, зашел в будку. Вставил карту, набрал номер. Сегодня он должен был звонить по мобильному номеру. Значит, можно говорить подробнее. Он был уверен, что тот сотовый, номер которого он сейчас набирал, – абсолютно левый. Телефон, наверное, активировали только сегодня, а после его звонка (а может, еще чьих-нибудь звонков) мобилу эту уничтожат. Наверное, сегодня же вечером. Хозяин никогда не экономил на конспирации. Даже, можно сказать, помешан на ней был.

– Привет, – сказал он в трубку.

– Добрый день, – ответили ему. Имен все равно, конечно, никто не называл. – Бабуля улетела.

– Ты о второй?

– Да.

– Это хорошо.

* * *

Дима.

То же самое время

Среди общих знакомых мамы и тети Раи, в пересекающемся множестве, оказалось восемь фамилий. Пятеро проживали, судя по номерам телефонов, в Москве. Еще двое в Питере. Один почему-то в Мурманске.

Дима со списком в руках встал с дивана. Пошел на кухню. Взял сигареты и телефон (с некоторых пор он всегда клал трубку домашнего радиотелефона на «базу»[2 - См.: Литвиновы А. и С. «Проигравший получает все».]). По пути вглядывался в список. Среди тех пяти общих знакомых мамы и ее верной медсестры Раечки, что проживали в Москве, он лично знал троих. Эти трое присутствовали на поминках по маме. Одна – мамина двоюродная сестра. Вторая – гинеколог из последней поликлиники, где мама с тетей Раей трудились перед

пенсией. Третий знакомый – очень навязчивый, яркий и благодарный больной, не знавший меры в цветах и конфетах. Кажется, он был слегка влюблен в маму и больше всех по ней во время позавчерашней тризны горевал. Звали его Семеном Яковлевичем.

«Вот с них мы и начнем. Может, кто-то из них видел что-то. Или что-то слышал. Или что-то знает – да сам значения тому не придает».

Зазвонил мобильный телефон. Дима взглянул на определитель номера. На дисплее высветился домашний телефон Нади Митрофановой.

Дима догадывался, что означает этот звонок. Сегодня утром, когда он звонил в Склиф, знакомые врачи ясно дали ему понять: тетя Рая – безнадежна. Вопрос ее смерти – это вопрос дней или даже часов. Естественно, он не сказал об этом Наде.

Дима не взял трубку. Сейчас у него не было ни времени, ни сил, ни желания утешать малознакомую, милую и слишком серьезную Надю.

Однако номер справочной Склифа все же набрал.

– Митрофанова? Раиса Алексеевна? – растерянно переспросили на другом конце провода. – А вы кто ей будете?

– Коллега, – коротко ответил Полуянов, догадываясь, что его недобрые предчувствия оправдываются.

– Она скончалась. Сегодня, в двенадцать тридцать.

– Она... она в сознание приходила? – зачем-то спросил Дима.

Справочная тетка сочувственно сказала:

– Не знаю, милый. Лечащему врачу звони...

* * *

Дима.

Прошло три часа

Телефонные разговоры с московскими друзьями, общими для мамы и тети Раи, не дали Диме решительно ничего.

Было много соболезнований, отвлеченной болтовни, воспоминаний, сожалений, даже слез... и только.

Ровным счетом ничего, что могло бы навести Диму на след убийцы (или убийц), он не услышал.

Телефонные беседы его утомили. Они слишком были похожи на интервью – то есть на его работу. К тому же эти интервью были совсем особенными – потому что он хотел узнать неизвестно что. И потому не знал, какие вопросы задавать собеседникам.

Дима вышел на кухню. Уже стемнело. Проклятый кот терся об ноги, кланчил пищу. Удивительно быстро животное забыло прежнюю хозяйку. И совсем о ней не тосковало.

Дима достал из холодильника баночку с салатом «оливье». Позавчера, на поминках по маме, кто-то из хозяйничавших женщин заботливо переложил в баночку салат; дал Диме, сиротке, с собой домой. Кажется, это была тетя Рая.

Прямо из банки Дима поел салату. Салат уже (как обычно говаривала мама) «задумался» – но есть было можно.

Кажется, его затея с записными книжками и пересекающимися множествами не дала никаких результатов.

Впрочем, у него оставалось еще три фамилии. Две питерских и одна мурманская. Надо звонить по межгороду. Ничего, на три звонка он как-нибудь разорится. Тем более что уже восемь вечера – льготный тариф.

Дима вернулся в комнату. Набрал первый из петербургских номеров. Он принадлежал некоему Аркадию Михайловичу. Когда-то тот был главврачом поликлиники, где вместе работали мама и тетя Рая. Диме даже казалось, что в его смутных детских воспоминаниях этот Аркадий Михалыч присутствовал: усы как у Буденного, жесткие волосы, цепкие сильные руки. Кажется, он однажды приходил к маме домой с бутылкой коньяка и цветами, а маленькому Димочке принес резиновый четырехцветный мяч. Очень давно это было. Дима помнит, как мама смущалась, как Аркадий Михайлович щекотал его сильными пальцами, а потом, когда мама зашла в комнату поцеловать Димочку на ночь, от нее сильно и вкусно пахло коньяком. Папы тогда уже не было на горизонте.

Кажется, это был единственный визит Аркадия Михайловича к ним домой. А может, о прочих посещениях Димочка не узнал.

На другом конце линии, где-то в Петербурге, очень долго разливались длинные гудки. Дима уже хотел положить трубку, но тут вдруг ответили. Молодой, женский, суровый и грустный голос.

– Мог бы я поговорить с Аркадием Михайловичем? – ласково сказал Дима.

– А кто его спрашивает?

«Наверное, это дочь? Что ей говорить? спрашивает сын давней любовницы Аркадия Михайловича? Или «давней подчиненной Аркадия Михайловича»? Звучит еще двусмысленней».

– Это из Москвы звонят. Редакция газеты «Молодежные вести». Специальный корреспондент Дмитрий, э-э, – Дима на всякий случай зажевал фамилию: – П-ллл-анов.

– Аркадий Михайлович не может подойти, – прервал его женский голос.

– А когда он будет?

– Он скончался.

– Скончался?!

- Да.

- Простите... - пробормотал потрясенный Дима. - Приношу вам свои соболезнования... А давно, извините, он умер?

- Сегодня были похороны.

- Сегодня?!

- Да, молодой человек.

- Значит, он умер...

- Третьего дня.

- Вы меня простите, - торопливо проговорил Дима, - я спрашиваю потому, что когда-то, еще мальчишкой, хорошо знал Аркадия Михайловича - а вот теперь редакция поручила мне сделать очерк о враче, и я подумал: а почему бы не о нем... - «Ох, ну и вранье же! Впрочем, мне не привыкать».

- Аркадий Михайлович не был врачом, - прервала его женщина. - Он был главным врачом. К тому ж он уже три года как на пенсии. Был на пенсии, - поправилась телефонная собеседница.

- Мои соболезнования... - еще раз расшаркнулся Дима. - А отчего же Аркадий Михайлович умер?

Полуянов внутренне напрягся. «Сейчас мне скажут, что его сбила машина. Или - что его порезали ножами в подъезде».

- Инсульт, - коротко проговорила женщина.

- Как! - воскликнул Дима. - Он же еще такой молодой! То есть я хочу сказать: относительно молодой... Он что, сильно болел?

- Нет, молодой человек, все случилось, как говорится, в одночасье.

– Какая трагедия! Вы, наверное, были рядом с ним?

– Нет, молодой человек. К сожалению, нет.

– О господи! И как же это случилось? Вы меня извините за этот вопрос, но я сам совсем недавно потерял маму...

– Аркадий Михайлович поехал на нашу дачу в Белоостров. Один. – Женщина, кажется, становилась словоохотливей: начала рассказывать безо всякого понуждения со стороны Димы. Рассказывала как по писаному – видно, не раз уже повествовала о случившемся. – Он хотел проверить, как работает дренаж... К вечеру папа собирался вернуться. Но вот уже девять – а его нет. И в десять нет. И в одиннадцать... Ну, тогда мы с мужем садимся в машину и едем туда, чтоб успеть обернуться, пока мосты не развели; мы-то сами в Купчине живем... Приезжаем. А папа лежит в избе на полу. И – все. И не дышит. Я хотела «Скорую» вызвать, а муж мой, он у меня хирург, говорит: бесполезно, папе уже ничем не поможешь...

– Диагноз – инсульт? – уточнил Дима.

– Да. Умер мгновенно. Не мучился.

– А вы, простите, его дочь?

– Нет. Я – невестка. Жена сына.

Странная идея пришла в голову Диме, и он спросил:

– А вы не знаете, не приезжал ли Аркадий Михайлович в последнее время в Москву?

– Нет, – категорично ответила дама. – С тех пор как началась эта ваша демократия-пердостройка, он никуда из Ленинграда не выезжал.

– Еще один вопрос. – Привычная стихия интервью завладела Димой. – На каком кладбище Аркадия Михайловича похоронили?

– На Северном. А зачем вы спрашиваете?

«Не отвечать же ей: потому что я хотел бы, быть может, добиться эксгумации трупа. И провести экспертизу».

И Дима сказал:

– Я собираюсь в Петроград. Хотел бы навестить его могилку. Аркадий Михайлович когда-то много сделал для моей мамы... Вас, если что, я смогу найти в Питере по этому же телефону?

– Да. Мы с мужем живем здесь.

– А зовут вас?

– Элла Максимовна.

И, упреждая всяческие вопросы, Дима протараторил скороговоркой:

– Еще раз вам спасибо, Элла Максимовна, и примите мои соболезнования – вам и вашему мужу.

Дима шваркнул трубкой о «базу».

Ну ни фигя себе! Три смерти за шесть дней. Сначала мама. Затем, значит, спустя два дня, – скоропостижно скончался петербургский бывший главврач Аркадий Михайлович. Потом, еще через два дня, тетя Рая. И все трое имеют отношение к медицине. Точнее, все трое – в прошлом имели отношение к медицине. И все трое когда-то работали вместе.

Не может быть, чтобы это оказалось простым совпадением.

* * *

Дима.

На следующий день

Квартира еще хранила мамин запах.

Дима не собирался возвращаться сюда. Месяц, или два, или три. До тех пор, пока не уляжется первая, самая острая, боль утраты. Но вот пришлось...

Женщины, командовавшие поминками (в том числе тетя Рая), тщательно прибрали в мамином доме. Молодцы они. Поминальный стол сложен. Скатерть постирана и развешана. Посуда перемыта... Вот только стоит она не на привычных – не на маминых! – местах.

Надо сделать паузу. Попить чаю, покурить. Мама всегда запрещала ему курить в своей квартире. Теперь некому запрещать. Дима заварил себе чаю в любимой кружке, вынул пепельницу, ранее стоявшую в серванте и вынимавшуюся лишь для самых почетных гостей, и откинулся на кухонном диванчике...

...Сегодня с утра Дима провернул два важных дела.

Сперва отправился в редакцию и попросил у главного командировку в Петербург. Легкая тень недовольствия пробежала по челу редактора. «Петербург – красивый город», – проговорил он.

– Париж – еще красивей, – дерзко ответил Полуянов. – Но туда я не прошусь.

– Тема?

– Расследование трех загадочных убийств.

– А поточнее?

Дима коротко изложил свои подозрения: мама, тетя Рая, главврач... Главный задумался. Потом сказал:

– Я понимаю твои чувства, но... – Скептически скривил рот. Еще подумал и добавил: – Ладно, впрочем, поезжай. Развеешься. Только... Ты поработай там над какой-нибудь резервной темой. – И написал в углу заявления на командировку:

«В приказ». – Ты, Полуянов, береги себя, – напутствовал, уже вставши из-за стола, главный. – Не нарывайся там. Кстати! – вроде бы только вспомнил он. – Я еще не читал твой материал по Амстердаму.

– Он в отделе, – не моргнув глазом соврал Дима. «Сегодня же напишу и переправлю в контору электронной почтой».

– Учти: из фирмы, что за твою поездку платила, мне уже три раза звонили. Смотри, не пролететь бы нам, как фанера над Парижем. Со всеми отсюда вытекающими последствиями.

Дима кротко выслушал глухую, неопределенную угрозу главного, буркнул: «Учту» – и выкатился из кабинета колбаской. Помчался, пока не припахали к редакционным делам, в бухгалтерию – получать командировочные.

...Другая встреча состоялась у него двумя часами позже. Журналист упросил капитана милиции, опера Савельева, о randevu. Причем где-нибудь вне стен окружного управления. «Мужик он, кажется, дельный, – размыслил Полуянов. – Сволочь, конечно, как все менты, – но, с другой стороны, вроде парень неплохой».

С Савельевым Дима встретился у выхода из метро «Водный стадион». Предложил посидеть в своей машине – опер отказался. («Что он, думает: я ему взятку стану совать? Нет у меня денег на взятки».)

Савельев направился к лотку с горячими сосисками: «Я пока пообедаю». Дима пожал плечами, заказал себе чай и, покуда опер вгрызался в хот-доги, изложил ему свои подозрения: три таинственных смерти – и каждая с интервалом в два дня... Умерли (а возможно, были убиты) трое бывших медиков... Мама, Евгения Станиславовна Полуянова. Затем, в хронологическом порядке, – ее бывший главврач, проживающий в Петербурге. Потом – медсестра тетя Рая. Все они когда-то работали вместе. В семидесятые годы, в тогдашнем Ленинграде. «Могут ли три смерти быть случайным совпадением?» – задал почти риторический вопрос Полуянов.

Савельев слушал внимательно и не менее внимательно жевал. Вытер кетчуп с губ. Тщательно оглядел Полуянова с ног до головы профессионально ментовским взглядом, задумчиво проговорил:

- Теория заговоров...

- Что? - не понял Дима.

Савельев повторять не стал. Вместо того выстрелил серией вопросов: «В какие годы эти медработники трудились вместе?.. Что еще связывало их троих - помимо служебных отношений?.. Встречались ли они, трое, после того как прекратили совместную трудовую деятельность?.. Состоял ли упомянутый вами мужчина в интимных отношениях с кем-то из женщин?.. Питал ли кто-нибудь из этих троих неприязненные отношения к кому-то другому?..»

Дима озлился:

- А я думал, на эти вопросы должен не я отвечать, а милиция.

- Хочешь пивка? - вдруг миролюбиво спросил опер.

- Пивка? Нет. Я за рулем.

- Ну тогда, - Савельев глянул на часы, - разбежимся. - Хлопнул Диму по плечу. - Ты не волнуйся, кр-рыс-пондент, я твою информацию воспринял. Летс, как говорится, кип коннекшен[З - Давай поддерживать связь (англ.)].

И он, не оглядываясь, потрусил в перспективу улицы Адмирала Макарова. Дима не успел даже вслух подивиться, откуда это столичные милиционеры вдруг знают английский.

И, только садясь в машину, понял: Савельев недаром задавал ему эти вопросы. Опер хотел, чтобы на них ответил Дима. Сам.

...И вот он сидит в маминой квартире и пытается на них отвечать.

Начал он с того, что из всех ящиков вывалил прямо на пол мамины архивы. Какое счастье, что мама жила в эпоху бумажных технологий! После любого жизненного события оставались материальные следы: бумаги, испещренные буквами. Не то что нынче: отправил электронное письмо - как бутылку с

запиской бросил в волны эфира. А получил чужой и-мэйл, прочел, а после, очищая компьютерный почтовый ящик от ненужной информации, нажал Delete[4 - Уничтожить (англ.)]... И – все. Никаких следов. Нет никаких писем. И никаких тебе поздравительных открыток. И никаких вырезок из газет (зачем? В каждом издании имеются электронные архивы). И нет в нынешнюю эпоху ни Почетных грамот, ни шуточных стенгазет, ни доморощенных стихотворных поздравлений...

То ли дело мамины времена! Архив Евгении Станиславовны, разложенный по аккуратным папкам, занял почти весь пол. Папки громоздились и на диване. «Что я ищу здесь? Что мне надо?» – спросил сам себя Дима. Глядя на эвересты бумаг, он не очень понимал, что ему разыскивать. Огромность бумажных свидетельств маминой жизни подавляла его. Словно отгораживаясь от безразмерного архива, Дима схватился за то, что было ему знакомо: альбом огромного формата. Сюда мама заботливо клеивала каждую заметку, написанную Димочкой, каждое слово, подписанное его фамилией. Она некогда справедливо рассудила, что ее безалаберный сын ни в коем случае не станет заводить архива. И занялась этим сама.

Первая вырезка в альбоме называлась «Чему нас учат?». Подпись – «Дмитрий Полуянов, ученик 9-го класса». Рядом подписано маминой рукой – двадцать восьмое июня восемьдесят восьмого года, «Комсомольская правда». А возле – позднейшая приписка, другими чернилами: «Первая Димина статья». Хотя в статье той было от силы строк восемьдесят. Щенячий гласно-перестроечный пафос. Слишком советские, мол, темы сочинений на свободную тему дают на экзаменах в школе: «Социализм – свободный труд» да «Ленин великий нам путь озарил». Ах, «Комсомолка» восьмидесятых!.. «Алый парус», молодой, но внушительный его «капитан» – Валя Юмашев...

Дима перелистал альбом. Вот его гордость: «Тайна рейса 2315». Статья в пяти номерах с продолжением. Описание его необыкновенных приключений, в которые он по счастливой случайности ввязался[5 - Подробнее см.: Литвиновы А. и С. «Отпуск на тот свет».]. Настоящий триллер тогда получился – с ним, Димой, в главной роли. Потом редакция сделала на основе этого суперматериала спецвыпуск, и он разошелся фантастическим для новых времен тиражом – пятьсот пятьдесят тысяч экземпляров. Настоящая Димина удача. Такое теперь, может, и во всю жизнь не повторится.

Дима насильно оторвал себя от вдохновенного перечитывания собственного творчества и взглянул на часы. Ёшкин кот! Он в маминой квартире уже полтора часа – но ровным счетом ничего полезного не сделал. Нет, так дело не пойдет. Если не наладить систему поиска, в мамином архиве можно погрязнуть с головой.

И потому, для начала, надо пойти покурить, выпить еще чаю и подумать: какие именно документы хочет он здесь найти?

* * *

Голос в трубке мобильного телефона был безжизненным настолько, что казался механическим.

– Возьмите новые данные, – сказал голос. – Там же. Плюс два – два пятнадцать. – И связь тут же оборвалась.

Седов хорошо понял, что означало указание в трубке: на том сайте в Интернете, который в данное время использовался для связи, через два часа появятся новые вводные. Вводные провисят на сайте пятнадцать минут, а затем без следа исчезнут.

Он не стал ни на секунду задумываться о том, а какими будут эти вводные: фамилия, или фотография, или маршрут, или адрес. А может, все, вместе взятое. Через два часа и три минуты он выйдет (через мобильник с WAP-функцией) в Интернет. Войдет на сайт (зарегистрированный почему-то в Финляндии) и считает новые данные.

Новые данные означают новую работу. А новая работа – дополнительные деньги.

А деньги никогда не помешают.

* * *

Дима.

Спустя два часа

Дима обозначил для себя – и даже на бумажке записал! – круг своих поисков. Итак, предположим, что три смерти чем-то связаны. Значит, надо найти ответы на вопросы:

Когда мама, тетя Рая и главврач Аркадий Михайлович работали вместе? Как давно они знакомы?

Где они трудились? Как называлось это медучреждение? Номер его? Адрес?

В каких они состояли отношениях?

Встречались ли они все вместе с тех пор?

Хорошо бы найти мамину трудовую книжку. Или, допустим, черновик ее автобиографии для отдела кадров. Или дневник тех времен, когда она работала с тетей Раей и Аркадием Михайловичем. «Ведь она всю жизнь вела дневники – то пару строк запишет за месяц, а то каждый день кропала. Но мне записи никогда не показывала...»

И вот теперь, поставив перед собой цель, Дима взялся за поиски. Но все равно работа шла медленно. Мама хоть и держала все документы в папках, но подписаны они не были. Кроме того, система, по которой она располагала свои бумаги, вроде бы имелась – однако понять ее Дима не мог. В папке с чьими-то письмами вдруг оказывался гарантийный талон на велосипед «Дружок». («Помню, помню я этот велик – мой самый первый! Ох, как я радовался!») Из папки, где лежали конспекты для Университета марксизма-ленинизма, вдруг вылетала веселенькая программка Театра имени Кирова (а на ней мужской рукой записан телефон некоего Ивана Андреевича).

К тому же Дима не был организованным человеком (и сам прекрасно знал это). А документы относились к его маме (а порой к нему самому). Поэтому он то и дело застревал в бумагах, безусловно, интересных – но к его расследованию никакого отношения не имеющих. Но разве мог он, например, не прочесть письма к маме от загадочного Володи, датированные шестьдесят третьим годом? («Маме двадцать, до моего рождения еще десять лет. И никогда ни о каком Володе не рассказывала...») Письма, судя по контексту, присылались в Ленинград из

армии, где таинственный Володя служил лейтенантом. Они неожиданно начались в октябре шестьдесят третьего и спустя год так же неожиданно оборвались. «...С 9 до 11 писал конспект занятий с солдатами по ОМП – оружию массового поражения. Причем уже с утра было известно, что выступать мне не придется. Однако комбат сказал, что занятия может и не быть, а конспект быть обязан...» Забавно. Однако – никаких признаний. Никакой любви. И – никакого отношения к его делу.

Все время Дима нырял в полуизвестные, малоизвестные и вовсе неизвестные эпизоды маминой жизни, погружался в них, барахтался и сожалел, что мамы нет. И некого ему теперь расспросить: что стояло за этими письмами, записками, фотографиями, театральными программками, грамотами?.. Потом Дима вдруг спохватывался: чего ж я отвлекаюсь?! Выныривал, умственно отряхивался от очередного эпизода маминой жизни. А потом снова нырял – и опять оказывался неизвестно где; но, во всяком случае, вдали от цели своих разысканий.

Переписанные ясным маминым почерком стихи Мандельштама... Его собственная тетрадь по истории за пятый класс двести одиннадцатой ленинградской школы с оценкой «пять с плюсом»... Ее недописанный конспект «Материализма и эмпириокритицизма»...

При подобном, безалаберном, поиске Дима если и мог что найти, то только случайно. Вот и выпорхнула невзначай из одной из папок отпечатанная на мелованной бумаге Почетная грамота. На обложке – Кремль, красный флаг и серп с молотом. Дима открыл грамоту. На развороте – вождь в профиль и слова: «Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся». Подпись: «В. И. Ленин». А на соседней странице – впечатанный старательной машинкой текст:

Администрация, партбюро и профком поликлиники

Ленинградского технического университета

Награждают

ПОЛУЯНОВУ ЕВГЕНИЮ СТАНИСЛАВОВНУ

За инициативную добросовестную работу и в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции

Главный врач А. М. СТАВИНКОВ

Секретарь партбюро К.К.ПРОКОПЕНКО

Председатель профкома Р.А. МИТРОФАНОВА

г. Ленинград

5 ноября 1977 г.

«Ну, вот оно, – почти равнодушно подумал уставший от поисков Дима. – Все сошлось. Полуянова, Ставинков, Митрофанова. Значит, все они, трое, работали в студенческой поликлинике в семьдесят седьмом году. И, наверное: до семьдесят седьмого. И какое-то время – после. В те годы люди подолгу трудились на одном месте... А тетя Рая, оказывается, председателем профкома была... Ну и что мне это дает?»

* * *

Надя.

То же самое время

Надя в очередной раз набрала Димин домашний номер – он молчал. Позвонила на мобильный – звонок прошел, но длинные гудки были ей ответом. «Он не хочет со мной говорить, – отстраненно подумала она. – Телефон высветил ему мой номер, и он не берет трубку. – В другой момент она была бы уязвлена – но не сейчас. По сравнению с горем от потери матери блекла любая личная досада. – Дима, наверное, на похороны к моей маме не хочет идти. Почему ж он такое участие к ней проявлял, пока она была жива?.. А вдруг с ним самим случилось что?»

Однако долго Надя о Диме не думала. Назавтра предстояли похороны, поминки... Полно хлопот.

* * *

Дима.

То же самое время

Определитель Диминого мобильного телефона высвечивал Надины звонки. Но он не отвечал: чувствовал, как ему тяжело сейчас будет выговорить любые, пусть стандартные, слова соболезнования. К тому же на похороны, вторые за неделю, идти будет тягостно. Поэтому он поступал, как подросток: не брал трубку – словно скрывался от влюбленной одноклассницы. Словно прикидывался больным, чтоб не идти на нелюбимый урок. «Бог меня простит, – оправдывал он себя. – Пока тетя Рая была жива, я делал все, что мог».

Давно стемнело, а он продолжал копаться в маминых архивах. К двенадцати ночи Дима, кажется, просмотрел все. Кучка отобранных им документов помещалась на журнальном столике.

Он нигде не смог обнаружить мамины дневники. И вообще – в архиве оказалось до обидного мало записей, сделанных ее рукой. Ну, писем нет – это понятно. Мама не из тех, кто пишет письма под копирку. Но нет и его писем, адресованных ей. А он их писал. Например, в Дрезден, где мама провела полгода по обмену (кажется, в начале восьмидесятых). Или в дома отдыха. (Бывало, мама отправлялась в отпуск без Димочки: вот трагедия была, пока ему не стукнуло четырнадцать. И, прямо скажем, радость – когда он стал старше.)

Но его письма отсутствовали. Не имелось и маминых дневников.

А ведь было и то и другое! Должно было быть!

Правда, нашлось кое-что, связывающее маму с Ленинградом, с тетей Раей, с Аркадием Михайловичем Ставинковым, со студенческой поликлиникой.

Во-первых, Дима откопал четыре поздравительные открытки. Одна с Восьмым марта, две – с Первомаем и одна – с Новым годом, адресованные из Ленинграда в столицу и подписанные инициалами А.М.С. Три открытки, датированные

восемьдесят пятым годом (они с мамой тогда только-только перебрались из Питера в Москву). Еще одна – восемьдесят седьмым годом. В первых трех посланиях А.М.С. – то есть главврач Аркадий Михайлович Ставинков – передавал «горячие приветы ДД» – стало быть, Диминому отчиму. В последнем поздравлении приветов ДД не было – к тому времени гордая Евгения Станиславовна уже разбежалась с Диминым «папой номер два», и, выходит, главврач о сем факте откуда-то знал.

Все четыре открытки от Аркадия Михайловича были выдержаны в духе слегка индифферентного поздравления от бывшего коллеги по работе. Однако почудилось в них Диме нечто большее. Некая сдержанная, затаенная и неудовлетворенная страсть. К примеру, следующий пассаж (из последней открытки, когда мамин «муж номер два» уже исчез далеко и надолго): «Мне часто снится Ваше лицо со светлой прядкой, склоненное над писаниной...» Интересно, что мама отвечала Аркадию Михайловичу на подобного рода признания? Наверное, хранила гордое молчание – раз переписка оборвалась... А может, она вовсе не оборвалась, а, напротив, стала более страстной? И вследствие этого оказалась уничтоженной? Что гадать!.. Пожалуй, об этом ему уже не суждено узнать...

Еще в стопке отобранных Димой документов имелись три фотографии. Одна из них запечатлела, очевидно, эпизод внутриаполиклинического междусобойчика. О сем свидетельствовала казенная мебелировка; столы, покрытые не скатертями, но белой бумагой; разнокалиберные рюмки. По бумажной гирлянде, протянувшейся вдоль стены на заднем плане, можно было предположить, что праздновали Новый год. Костюмы людей, изображенных на фото (длинные воротнички кофточек, широкие лацканы пиджаков, рубашки с планками), и их прически («видал-сэссун») свидетельствовали, что действие происходило в поздние семидесятые. На черно-белой картинке были изображены трое: в первой даме Дима безошибочно распознал маму – лет на двадцать моложе. Второй была тетя Рая. Естественно, тоже моложе на два десятилетия. «Черт возьми, – подумалось Диме, – а обе они хорошенькими были! Жаль, что мы не в одно время родились. Вот бы я за обеими приударил!.. А тетя Рая на Надьку похожа. Точнее, конечно, наоборот: Надька похожа на нее, молодую».

Третьим на давнем снимке – являя, так сказать, идейный центр композиции – был мужчина. Слегка старше (или, во всяком случае, солидней) обеих дам, импозантный, тонкогубый, он сидел между ними с рюмкой в руке и снисходительно щурился в объектив. С одной стороны к мужчине клонилась

тетя Рая. Однако мужик, напротив, как бы перенес центр тяжести своего тела – и своего внимания – в противоположную сторону, к маме. А та всей своей позой демонстрировала, что она полностью безразлична к его интересу.

«Недаром в памяти компьютера одна-единственная фотка занимает около сотни килобайт. Как пара добрых статей, – подумалось Диме. – В самом деле, сколько информации передается на невербальном уровне: позами, жестами, выражением глаз... Взять эту композицию: чудится за ней настоящий любовный треугольник. Тетя Рая тянется к Нему, а Он – к маме. По-моему, это очевидно!.. Правда, треугольник сей схвачен с выдержкой одна пятисотая секунды. Поэтому непонятно, как долго длились «треугольные отношения»: может, один тот давний пьяный вечер. А может, неделю. Или год».

Мужчина, изображенный на любительском снимке, повторялся (причем снова рядом с мамой) на другой фотографии, профессиональной. Фото являло собой пожелтевшую вырезку из газеты. Судя по верстке – из тех же семидесятых годов. Снимок был отвратительным, крупнозернистым, выцветшим и, очевидно, постановочным. Он изображал четверых человек в белых халатах, сидевших за полированным столом – и по замыслу фотографа что-то оживленно (а на деле натужно) обсуждавших. Подпись под клише гласила: «Большое внимание уделяет советская медицина здоровью подрастающего поколения. Работники поликлиники Ленинградского технического университета обсуждают лечебные мероприятия. НА СНИМКЕ (слева направо): врач Е.С.ПОЛУЯНОВА; и.о. главного врача А.М. СТАВИНКОВ; председатель профкома медицинская сестра Р.А. МИТРОФАНОВА; секретарь партбюро К.К.ПРОКОПЕНКО».

А. М. Ставинков, и.о. главврача, был тем самым мужиком, к кому клонилась на предыдущем снимке тетя Рая (и от кого словно бы отклонялась мама). На обороте газетной вырезки (видать, фото удостоилось «шпигеля»[6 - Правая верхняя часть первой газетной страницы.]) сохранились полстолбца статьи на международную тему (в ней мелькало слово «разрядка») и, самое главное, выходные данные газеты: «Вечерний Ленинград, 2 стр., 19 июня 1975 г.». Значит, и в семьдесят пятом мама, тетя Рая и Ставинков работали вместе.

Дима нашел и еще одну карточку. Судя по одеждам, прическам и возрасту изображенных на ней людей, снята она была еще раньше: в конце, а то и в середине шестидесятых. На ней, на фоне Невы и Петропавловки, запечатлена была парочка: Аркадий Михайлович Ставинков – и мама. Совсем юные. Целомудренно стоят в определенном отдалении друг от друга. Улыбаются.

Ветер дует с Невы, пытается растрепать мамину прическу а-ля Брижит Бардо...

Дима отправился на кухню. Разложил перед собой находки: грамоту, две любительские фотокарточки и вырезку из «Вечернего Ленинграда».

«Итак, что мы имеем?» По давней привычке, вколоченной в него еще на журфаке, Дима не доверял своей памяти. Старался все факты, имеющие отношение к делу, переносить на бумагу.

Он написал сверху блокнотного листа: мама. Подчеркнул тремя чертами. А ниже – все о ней. Ее биография. То, что он помнил сам и о чем узнал сегодня.

Родилась в эвакуации в 1942 году.

В 1959 году поступила в медучилище в Питере.

В 1962 году как отличница была принята без экзаменов в мединститут.

В 1969-м закончила его. Пошла работать. Возможно, в ту самую студенческую поликлинику.

В 1972-м вышла замуж. Я родился в семьдесят третьем. В семьдесят пятом она выгнала отца.

В семидесятые годы мама работает в поликлинике технического университета. Во всяком случае, две даты установлены точно: 19 июня 1975-го (фото в газете) и 5 ноября 1977-го (грамота). В то же самое время здесь вместе с нею трудятся Ставинков и тетя Рая. Возможно, между Ставинковым и мамой имеются более теплые отношения, нежели простые служебные. А между Ставинковым и тетей Раей?..

В 1985 году мама второй раз выходит замуж, и мы переезжаем к отчиму в Москву. Мама работает в столичной больнице номер 57, затем в поликлинике номер 80. По-прежнему поддерживает связь с т. Раей: по телефону и посредством писем.

«Где они, кстати, – письма тети Раи?»

В 1987-м мама расстается со своим вторым мужем.

В 1988 году (кажется) в Москву перебирается из Питера и тетя Рая. Ее мать – бабушка Надьки – живет в столице, одинока, отвратительно себя чувствует, и потому т. Рая всеми правдами-неправдами добивается московской прописки. Мать берет т. Раю работать в свою поликлинику – к себе медсестрой. Подруги опять воссоединяются.

Мама дослуживается до заместителя главврача поликлиники и с этой должности уходит на пенсию в 1997 году. Тетя Рая, так и оставшаяся простой медсестрой, отправляется на пенсию в 1998 году.

«Ни фиги себе, – подумал Дима, – сколько лет эти подруги-коллеги вместе. Только в Москве мама с тетей Раей лет десять бок о бок работали. Сколько всего за это время могло произойти! Но скорее всего, если что-то произошло, то в Питере. Они и там лет десять, наверное, вместе работали. И именно в Петербурге только что умер еще один человек – бывший главврач Ставинков. Или его смерть – случайность?..»

Дима вдруг ощутил дикий приступ голода. Время близилось к полуночи. «Не поеду я домой, – подумал. – Опять тащиться через всю Москву. Кот – обойдется. С утра я его кормил, а кошки – те же львы. Хищники. А хищникам вполне хватает одноразового питания... Переночую здесь, на Шокальского. А завтра поеду домой, отпишусь за дурацкий Амстердам, скину статью в редакцию по и-мэйлу, пристрою кому-нибудь кота, а в ночь выеду в Питер. А пока надо понять: зачем я еду в Питер? Что я там хочу найти?.. Однако как есть-то хочется!..»

Из съестного в квартире Евгении Станиславовны отыскались макароны. Мамуля их еще покупала... Масла не нашлось, холодильник был отключен. Зато имелась нераспечатанная бутылочка кетчупа.

Дима сварил макароны. Щедро сдобрил их кетчупом. Съел горку, запил чаем. Сыто закурил на кухне. На мгновение к нему вернулось ощущение из юности: мама уехала в санаторий, он дома один – а значит, свободен. Та свобода была

ему в радость. Он употреблял ее на запретное: сигареты, девочек и вино.

Теперьшняя свобода от мамы была бесконечной. И потому совершенно безрадостной.

Перед сном он собрал все архивы и кое-как запихнул их обратно в стенку. Его не покидало чувство, что он не нашел чего-то важного. Чего-то не заметил. Упустил.

К тому же: где, спрашивается, мамины дневники? Куда они, черт возьми, делись?

И, только уже засыпая на диване в так называемой «большой» (пятнадцать квадратных метров) комнате, он кое-что про мамины дневники вспомнил. И подумал: «Поездку в Питер, пожалуй, придется отложить».

Глава 5

Дима.

На следующее утро,

12 часов 30 минут

Дорога ему лежала, по московским меркам, долгая. Из одной дыры (изящно называемой «спальным районом») в другую. С севера столицы, из Медведкова, – к себе домой, на юг, в Орехово-Борисово. Дима решил поехать через центр. Экстремальная езда по улицам Белокаменной не давала расслабиться и помогала проснуться.

Счастье еще, что в маминой квартире оказался кофе. Она сама его не пила – приберегала на случай, если удастся заманить на ночевку Диму. Дима запустил радио в машине во всю мочь. Слушал музыку, новости, полубессмысленный треп диджеев. Искурил по дороге четыре или пять сигарет.

Последняя еще дымилась в его руке, когда он закрыл машину во дворе дома и вошел в свой подъезд. «Сейчас задам корма скоту, – думал он, – да отпишусь про этот несчастный Амстердам...»

Дима поднялся на лифте к себе на восьмой этаж. Сигарета догорела и жгла пальцы. Открылись лифтовые двери. Дима вышел и сделал шаг – но не налево, в сторону своей квартиры, а направо, к мусоропроводу: хотел выкинуть в мусорку сигарету. Именно этот неожиданный поворот спас ему жизнь.

Шагнув из лифта, Дима лицом к лицу столкнулся с человеком. Рука его была занесена. В ней сверкал нож.

Мужчина, видимо, на секунду оторопел: он увидел перед собой не спину, как он ожидал, а – лицо жертвы. И его удар задержался на пару мгновений. Нож дрогнул. Но затем все равно пошел сверху вниз, в самую середину Диминой груди.

Тело Димы среагировало на угрозу. Среагировало раньше, чем мозг. В школе он занимался самбо. В секции они отработывали защиту от нападения с ножом. У Димы неплохо получалось. Руки его теперь сами вспомнили навыки, разученные на сотнях тренировок.

Блок левой рукой. Его предплечье встретило чужое. Нож не дошел до Диминой грудной клетки. Остановился сантиметрах в двадцати. Дима выбросил вперед правую руку. Перехватил кисть нападавшего. Левая рука летит на помощь правой. Двумя большими пальцами Дима давит на костяшки кисти врага. Выворачивает ее.

Мужчина рычит от боли. Кисть разжимается. Нож звенит о пол. Дима пинает человека носком ботинка прямо в коленную чашечку. Рык переходит в стон.

И в это время – шум шагов с черной лестницы. В дверном проеме возникает еще одна фигура. Второй враг вытаскивает из-под куртки пистолет.

Дима отступает на два шага. Все происходит быстро. Двери лифта еще не успели закрыться. Дима пятится внутрь его. И тут двери начинают съезжаться – заслоняя его от нападавших... В последнюю секунду перед тем, как двери захлопываются, Дима видит: второй убийца направляет пистолет прямо на него.

Но бандит, кажется, опоздал. Двери сомкнулись. Дима нажимает на кнопку первого этажа. Выстрела нет. Лифт ухает вниз.

«Скорее, скорее», – мысленно подгоняет Дима механизм. Если враги бросятся вниз по лестнице, они прибегут на первый этаж одновременно с лифтом.

Вот и первый. Лифт останавливается. Раскрываются двери. Плевать на предосторожности – сейчас все решает скорость!

Дима выскакивает из лифта. По черной лестнице сверху грохочут ботинки. Кажется, они где-то на втором этаже.

Дима бросается вниз, к выходу. Настежь – дверь в тамбур, настежь – еще одна, и вот он уже выскакивает на улицу. Соседка с двумя собачками на поводке удивленно глядит на него. «Будут ли они стрелять здесь, на улице? У всех на виду?»

Одним прыжком Дима добегают до машины. Отпирает дверцу, плюхается за руль. Движок не остыл. Мотор схватывается с полоборота. Полуянов включает заднюю передачу. И тут из подъезда выходит мужик – тот, что был с пистолетом. Выходит неторопливо. Пистолета в его руке нет. Он внимательно смотрит на Диму. И на машину, и на Диму. Лицо его бледное, с мелкими чертами и будто застывшее. Никаких особых примет. Встретишь и не узнаешь. Дима лишь долю секунды видит врага. Бросает сцепление, нажимает на газ. «Шестерка» с ревом мчит задним ходом к выезду со двора. Подъезд с мужиком, застывшим на пороге, исчезает из виду.

На выезде со двора Дима, не снижая скорости, резко крутит рулем. Машина выскакивает на улицу, идет юзом. Отчаянно пищат шины. «Шестерку» саму собой разворачивает на девяносто градусов. «Надо же, – думает Дима, – у меня получился почти «полицейский разворот». Жаль, не видит никто». Он давит на газ, и «шестерка», ревя, мчится по улице, удаляясь от Диминого дома.

* * *

Только минут через десять, спустя шесть светофоров, к Диме вернулась способность соображать. Кажется, погони за ним нет.

И тут его стало колотить изнутри. Организм его наконец осознал: только что он избежал смерти. Однако сознание Димы никак не могло понять, что же произошло.

– Кажется, меня только что хотели убить, – произнес он вслух. Однако эти слова ничего не значили. Он не понимал их смысла.

Дима выехал на Каширское шоссе и помчался к центру. Направление движения выбрали его инстинкты. Они так решили сами по себе. И кажется, правильно. Ближе к Кремлю – больше машин, больше людей. Легче затеряться.

Вот развилка Каширского шоссе и проспекта Андропова. Каширка идет прямо, проспект – правее. Светофор, будка дорожно-патрульной службы, скучающий сержант.

Дима на полной скорости свернул на проспект Андропова.

И тут Дима заметил в зеркале заднего вида подозрительную «девятку».

«Девятка» явно спешила – металась из ряда в ряд, подрезала. Вот она оказалась на два авто сзади полуяновского, и он сумел рассмотреть ее.

Типичная «БМБ» – «боевая машина братвы»: серый цвет, широкие «лапти» колес, наглухо тонированные стекла. Не по его ли душу?.. «Да нет, – успокоил Дима себя, – мало ли в Москве подобных пижонски уродских машин!..»

И все же в сердце толкнулась тревога.

«Девятка» поравнялась с Димой и ехала рядом, бок о бок. Сквозь тонированные стекла за ним, казалось, наблюдали. А может, целились в него? Полуянов почувствовал себя неуютно. Нервы не выдержали. Он глянул в зеркало – сзади никого нет – и резко нажал на тормоз.

«Девятка» по инерции проскочила дальше. Заметила пропажу «шестерки» и тоже тормознула. А Дима нажал на газ и вывернул руль влево.

Акселератор в пол!.. Вторая передача, третья, четвертая!.. «Шестерка», ревя, помчалась вперед. «Девятка» бросилась ему наперерез, по диагонали, но... Дима набрал хорошую скорость, к тому же дорога шла под уклон. Его машина вырвалась вперед.

Впереди, у метро «Коломенская», светофор давно горел зеленым. Вот-вот зажжется желтый. «Я должен проскочить! Пусть на красный!» – подумал Дима и еще прибавил ходу. «Девятка» неслась за ним, и расстояние между машинами сокращалось.

Дима вылетел на широкий перекресток, когда красный сигнал уже загорелся. Он понадеялся: а вдруг у водителя «девятки» сдадут нервы... и он тормознет – но...

Но – нет. Серая «девятка» благополучно – увы! – миновала перекресток и продолжала погоню.

Однако Дима оторвался от преследователей метров на двести. Он уже подъезжал к мосту через Москву-реку. Мчался в крайнем правом ряду.

Еще не доехав до середины моста, Дима опять уткнулся в пробку. Машины впереди него он подгонял – фарами и гудком. На верхней точке моста посмотрел назад и увидел: «девятка» мчалась на подъем. Как назло, в ее окружении машин оказалось гораздо меньше. Дистанция, отделявшая Диму от преследователей, опять сокращалась.

Мост пошел под горку. Следующий после моста светофор – пешеходный. Горел красный. Справа, среди замерших машин, имелось свободное место. Дима, разогнавшись, подлетал точнехонько к нему.

Расстояние до машины преследователей составляло теперь метров двести.

«Девятка» шла следом в том же, крайнем правом, ряду – но ее вот-вот отсечет выворачивающий от остановки автобус.

«Проскочу на красный», – мелькнуло у Димы. Все равно пешеходов нет, скорость около восьмидесяти, он вписывается в пустое пространство у «зебры», ну!..

И в этот момент Дима каким-то чудом – может, через ветровые стекла стоящих у светофора автомобилей? – заметил: по переходу следует одинокий человек. Дяденька – похоже, пьяный – вышагивает по «зебре» не спеша, с чувством собственного достоинства. Железный табун покорно ждет его. А Дима... Он почувствовал интуитивно: путь его «железяки» пересечется с неспешной траекторией пешехода. Обязательно пересечется.

И... Инстинкты сработали раньше разума. Дима нажал на тормоз. Колодки завизжали на всю Нагатинскую пойму. Машина, изо всех сил тормозя, несмотря ни на что, все-таки летела прямо на пешехода. Пьяненький мужик появился в той прорехе между машин, куда мчался Дима. Появился – и замер. Застыл, впал в ступор. И с любопытством, словно в кино, смотрел, как несется на него автомобиль. Как машина отчаянно пытается остановиться, сигналист – но все равно летит...

«Не успеваю, – губельно подумал Дима, когда до пешехода, замершего прямо на его пути, оставалось метров двадцать. – Не выторможу. Надо выворачивать. Вправо. В бордюр, в столб». И тут к пьяному пешеходу вдруг вернулась способность двигаться. Он гигантским скачком отпрыгнул вправо, на тротуар. Димина «шестерка» пролетела мимо. Одну тонну металла и шестьдесят килограмм человеческой плоти разделила десятая доля секунды. Или – полметра пространства.

Когда Дима пришел в себя от пережитого ужаса, то увидел в зеркало: «девятка» тоже проскочила перекресток. Их разделяло теперь метров сто. И – ни единой машины между ними.

Удача отвернулась от журналиста. «Девятка» шла на полном ходу – и уже почти настигла его. Вот она поравнялась с ним. Обходит слева. Вот в «девятке» приоткрыли окошко. (Дима видел это боковым зрением.) Оттуда выглянуло пистолетное дуло. Не видно ни лица, ни руки. «Почему они не стреляют? Боятся – на такой-то скорости. За свои шкуры боятся – попадут, и тогда меня занесет прямо на них». Дима еще прибавил ходу. Корпус «девятки» дрогнул и чуть сместился назад.

Оба авто далеко оторвались от остальных.

В «девятке», кажется, разозлились. Они опять догнали Диму. Что делать: у новой «девятины» движок явно сильнее, чем у старой «шестеры». Пока не стреляли.

«Девятка» обошла «шестерку» и ехала теперь левее, впереди на полкорпуса.

Преступники решили сменить тактику. Нос вражеской машины стал потихоньку, но неотвратно, смещаться вправо, к Диме. Ему уходить было некуда. Справа от него – высокий бордюр. Убийцы заставляли Диму затормозить, притирали его к обочине. Вот уже между бортами осталось не более десяти сантиметров...

Дима знал: случись касание бортами – и машины разлетятся по всей дороге, вылетят на встречную, перевернутся... Инстинкт самосохранения вопил в нем: «Тормози!..»

Но... Дима когда-то учился в школе экстремальной езды. И он стал делать то, чему его учили – и против чего бунтовал его инстинкт самосохранения. Он не притормозил и не отвернул. Наоборот, чуть подал руль влево – в сторону атакующей «девятки». И прибавил газу. Ну!.. Сейчас они либо столкнутся, либо... Либо бандиты дадут слабинку и пропустят его!.. Ну?!

Скорость – километров сто двадцать в час. Расстояние между бортами не больше пяти сантиметров. Пауза. Время застыло. Пространство свернулось. Дима не отступал, наоборот, сместился еще на сантиметр левее. И...

«Девятка» отвалила. Не выдержала, ушла влево, дала Диме дорогу.

«Но скоро они догонят – и все-таки начнут стрелять, – тоскливо и отстраненно подумал Полуянов. – Они разозлились, а я – попался».

Дима понял, что у него остается последний шанс.

На виадукe над третьим автомобильным кольцом Дима начал резко смещаться влево. «Девятка» упустила этот маневр и не успела перекрыть ему путь. Теперь Дима шел посреди дороги. Враги оказались впереди и правее.

Сразу после моста имелся очередной светофор. Для попутных он всегда горел зеленым. А слева, в специальном «кармане» на осевой, машины ждали зеленой стрелки, чтоб повернуть налево. А по встречной катит сплошной поток авто.

«Ну! Или грудь в крестах – или голова в кустах! Боженька, помоги!..»

И из центрального ряда, не снижая скорости, по широкой дуге, наперерез плотному потоку авто, Дима бросился налево, на Автозаводскую.

Ему надо было проскочить – в поперечном направлении – пять рядов машин.

Время для него будто замедлилось. Казалось, оно стало вязким, словно глицерин. Преодоление поперечного движения (на скорости восемьдесят километров в час) длилось долго, очень долго – вечность.

Сначала ему повезло: ни в крайнем левом встречном ряду, ни в следующем машин не было. «Шестерка» благополучно миновала первую полосу, потом – вторую... Дима непрерывно давил на клаксон.

С тем, кто ехал в третьем ряду, столкновение казалось неминуемым. Дима видел выпученные от ужаса глаза деда за рулем – на такой же, как у него, «шестерке». И... Дед, кажется, сделал невозможное. Он сумел притормозить!..

Дима пролетел в полуметре перед чужим капотом. Но теперь его машина должна была неминуемо ахнуть со всего маху в бок бетономешалки. Водительская кабина грузовика уже миновала траекторию Диминого движения. Шофер, даже если б успел, все равно не смог бы ничего сделать.

Диме казалось: перед его лицом, словно в рапидной съемке, движется, вращаясь вокруг своей оси, – и одновременно неохотно уползает вперед полосатая туша бетономешалки. «Ну, быстрее!» – даже, кажется, успел подумать Дима. И... то ли бог услышал его, то ли шофер действительно каким-то чудом ускорил свой гигантский «миксер»... А может, пространство расступилось перед Димой – только бетономешалка успела миновать летящую наперерез «шестерку». И лишь краешком, чуть-чуть, по касательной, Диминая машина задела хвост бетоновозки.

Этого легкого касания оказалось достаточно, чтобы «шестерка» изменила направление и полетела вбок.

В устье Автозаводской улицы полуяновская «шестерка» въехала боком. Ее проволокло, неуправляемую, пару десятков метров. И опять счастье: на пути не оказалось ни пешехода, ни машины, ни дерева – только гладкий асфальт:

Через секунду Дима пришел в себя. Оживил заглухший мотор. Вывернул руль. Тихонько поехал по Автозаводской улице. Он даже не смотрел назад. Он почему-то был уверен, что ничего страшного за его спиной не произошло.

Дима подрулил к метро «Автозаводская». Вышел из машины. Ему казалось, что он совершенно спокоен. Однако руки его тряслись так, что он с трудом попал ключом в замок на дверце.

Дима с третьей попытки запер-таки машину и быстро пошел ко входу на станцию «Автозаводская». В портмоне нашел недоиспользованную карточку на метро. Шагая, словно в полусне, миновал турникеты.

Кажется, вот теперь – все кончилось. Оторвался. Или – еще нет? Все-таки – нет?

Дима посмотрел на часы. Они показывали двенадцать часов пятьдесят девять минут. Всего лишь – без одной час. Остановились, что ли?

Неужели он сел в лифт в своем подъезде всего двадцать девять минут назад?

* * *

Станция «Автозаводская» неглубокая. Едва Дима ступил на лестницу, как услышал гроыханье приближавшегося состава. «Нужно успеть!» – требовал мозг. А тело не слушалось. Скрежет тормозов. Поезд встал. На платформе показались вышедшие пассажиры. И только тут Полуянов наконец побежал. Механический голос уже объявлял: «Следующая станция «Павелецкая». Двери потянулись закрываться. «Держи!» – истошно выкрикнул Дима. Возглас отдался эхом, пассажиры вздрогнули над своими газетами-книгами. Парнишка, стоявший около последней двери, среагировал быстрее всех: прижал неумолимые врата ногой, и Дима ворвался в вагон. Состав тронулся. «Спасибо, брат», –

поблагодарил Полуянов парня. «На здоровье!» – ухмыльнулся тот.

«Точно. На здоровье. А то и – на жизнь», – подумал Дима, падая на сиденье. Ноги его едва держали. Он жив, жив! Он оторвался! Уж в этом-то поезде их точно нет.

Состав несся в сторону «Павелецкой», и колеса мирно стучали, и в сердце пульсировала дерзкая, яростная радость: «Ушел. Убежал! От профессионалов – ушел!»

В том, что его преследовали профессионалы, Дима не сомневался. Он еще успеет подумать, кто они, и зачем они, и почему... А сейчас – он просто счастлив, и его переполняет гордость и нескромные мысли: «Ай да я, ай да Шумахер!»

Дима поднял голову и улыбнулся своим мыслям. Девушка с банкетки напротив ответила на улыбку. «Красотуля, стройняшка, на коктейль согласится», – немедленно, в автоматическом режиме, оценил случайную попутчицу мозг.

«Отлично. Раз на девок реагирую – значит, я в порядке, – порадовался за себя Дима. – Но извини, подруга. Не до тебя».

На «Павелецкой» он вышел. Неопытные пассажиры ломанулись к переходу-колбасе – где приходится топтать чуть не километр. Дима ринулся к эскалатору. Поднялся, спустился – и вот он уже на Кольцевой, и его как раз ожидает поезд в сторону «Таганской». Дима растолкал толпу неловких провинциалов и вскочил в состав, когда двери начали закрываться. «Сейчас – точно ушел, – решил Полуянов. – Какими бы профессионалами они ни были».

Метро, мчавшееся само по себе, расхолаживало. Когда тебя везут, так и тянет откинуться на сиденье, расслабиться, уверить себя в том, что все хорошо. Что дикая погоня по пустынному проспекту имени кагэбэшника Андропова – просто нелепая случайность.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Нашатырный спирт (лат.).

2

См.: Литвиновы А. и С. «Проигравший получает все».

3

Давай поддерживать связь (англ.).

4

Уничтожить (англ.).

5

Подробнее см.: Литвиновы А. и С. «Отпуск на тот свет».

Правая верхняя часть первой газетной страницы.

Купить: https://tellnovel.com/ru/litvinovy_anna-i-sergey/eksklyuzivnyy-greh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)